Жан-Батист Мольер

Скупой

Часть сборника
Комедии

Скупой
Жан-Батист Мольер

Аннотация
Жан-Батист Мольер. Скупой
Действующие лица
Действие первое
  Явление первое
  Явление второе
  Явление третье
  Явление четвертое
  Явление пятое
  Явление шестое
  Явление восьмое
  Явление девятое
  Явление десятое
Действие второе
  Явление первое
  Явление второе
  Явление третье
  Явление четвертое
  Явление пятое
  Явление шестое
Действие третье
  Явление первое

Явление второе
Явление третье
Явление четвертое
Явление пятое
Явление шестое
Явление седьмое
Явление восьмое
Явление девятое
Явление десятое
Явление одиннадцатое
Явление двенадцатое
Явление тринадцатое
Явление четырнадцатое
Явление пятнадцатое
Явление шестнадцатое
Действие четвертое
Явление первое
Явление второе
Явление третье
Явление четвертое
Явление пятое
Явление шестое
Явление седьмое
Действие пятое
Явление первое
Явление второе

Явление третье
Явление четвертое
Явление пятое
Явление шестое

Аннотация

«**Валер.** Элиза, милая, что ж это? Вы только что уверяли, что никогда не измените мне, а теперь задумались? Я в восторге, а вы вздыхаете? Уж не жалеете ли вы, что меня осчастливили? Или вы раскаиваетесь в том, что уступили моим пламенным чувствам и дали слово?

Элиза. Мне не в чем раскаиваться, Валер. Власть любви так отрадна! У меня не хватило бы сил ей противиться. Но если уж говорить правду, я тревожусь за будущее. Я боюсь, что люблю вас больше, чем следует…»

Жан-Батист Мольер
Скупой

Действующие лица

Гарпагон[1] — отец Клеанта и Элизы, влюбленный в Мариану.

Клеант — сын Гарпагона, возлюбленный Марианы.

Элиза — дочь Гарпагона, возлюбленная Валера.

Ансельм — отец Валера и Марианы.

Валер — сын Ансельма.

Мариана — дочь Ансельма.

Фрозина — посредница в сердечных делах.

Симон — маклер.

Жак — повар и кучер Гарпагона.

Клод — служанка Гарпагона.

Брендавуан, Ламерлуш — слуги Гарпагона.

Лафлеш — слуга Клеанта.

Комиссар.

Писарь.

Действие происходит в Париже, в доме Гар-

---

[1] Примечания: 1

Гарпагон. — Имя «Гарпагон» имеет своим корнем латинское слово «harpago» — гарпун. Так назывались якоря, которыми во время морского боя подтягивали вражеские корабли. В переносном смысле это слово означает «хапун», «загребущие руки».

пагона.

Действие первое

Явление первое

Элиза, Валер.

Валер. Элиза, милая, что ж это? Вы только что уверяли, что никогда не измените мне, а теперь задумались? Я в восторге, а вы вздыхаете? Уж не жалеете ли вы, что меня осчастливили? Или вы раскаиваетесь в том, что уступили моим пламенным чувствам и дали слово?

Элиза. Мне не в чем раскаиваться, Валер. Власть любви так отрадна! У меня не хватило бы сил ей противиться. Но если уж говорить правду, я тревожусь за будущее. Я боюсь, что люблю вас больше, чем следует.

Валер. Чего бояться, Элиза, когда делаешь доброе дело?

Элиза. Ах, многого можно бояться: рассердится отец, станет упрекать семья, осудит свет… Но больше всего боюсь я, Валер, что изменится ваше сердце, что вы станете платить мне преступной холодностью, как это часто бывает, если мы уж очень пылко и доверчиво любим.

Валер. О, не обижайте меня, не судите обо мне по другим! Подозревайте меня во всем, Элиза, но только не в том, чтобы я мог изменить своему

долгу. Я слишком сильно люблю вас и буду любить, пока жив.

Элиза. Ах, Валер, не вы один это говорите! Послушать — все мужчины одинаковы, а на деле какая между ними разница!

Валер. Ну так и судите меня по моим делам, а не по мнимым поступкам — это все ни на чем не основанные опасения, плод докучливого воображения. Умоляю вас: будьте справедливы, не добивайте меня чувствительными ударами оскорбительных подозрений, дайте мне время привести вам бесчисленное множество доказательств моей любви.

Элиза. Когда любишь, так охотно веришь! Да, Валер, я думаю, что вы не способны обмануть меня. Я верю, что вы меня действительно любите и никогда мне не измените, я ни в чем не хочу сомневаться, но что обо мне скажут? Вот чего я страшусь.

Валер. Да что же могут сказать?

Элиза. Я бы ничего не боялась, если бы все знали вас так, как знаю я. Вы служите оправданием моим поступкам. Защитой мне служат ваши достоинства, а также признательность к вам, которую мне внушает само Небо. Я никогда не забуду этого ужасного случая, благодаря ко-

торому мы с вами познакомились, никогда не забуду, с каким удивительным самоотвержением бросились вы за мной в воду и спасли от ярости бурных волн, с какой нежной заботливостью привели меня в чувство, как потом вы были почтительны и терпеливы в своей горячей любви ко мне, которую ни препятствия, ни время не сумели охладить, как ради меня вы забыли своих родных, забыли родные края, остались здесь и, чтоб не расставаться со мной, под чужим именем поступили в услужение к моему отцу Все это произвело на меня неизгладимое впечатление, иначе я не дала бы вам согласия. Но, быть может, в глазах других людей это не оправдание, я не уверена, что меня поймут.

Валер. Единственная моя заслуга перед вами — это моя любовь. Ваш отец — вот ваше оправдание, если уж оно вам так необходимо. При его страшной скупости, при его строгости к детям и не то еще извинить можно. Простите меня, дорогая Элиза, но тут ничего другого и не скажешь. Как только мне удастся найти отца и мать, нам легко будет с ним сладить. Я с нетерпением жду известий, и если мои родители запоздают, я сам за ними отправлюсь.

Элиза. Ах, Валер, не оставляйте меня, прошу

вас! Старайтесь понравиться отцу — только это сейчас и нужно.

Валер. Я и то стараюсь. Вам известно, к каким я должен был прибегнуть уловкам, чтобы попасть к нему в услужение, как я к нему подлаживаюсь, как я к нему подольщаюсь, чтобы войти в доверие, какую комедию я ломаю перед ним ежедневно, чтобы заслужить его любовь. И я уже вижу большие успехи. Подражай людям в их склонностях, следуй их правилам, потворствуй их слабостям, восторгайся каждым их поступком — и делай из них что хочешь; это самый лучший путь, можно смело играть в открытую, теперь я в этом убежден. Пересаливать не бойся, тут и самый умный человек поймается, как последний дурак, явный вздор, явную нелепость проглотит и не поморщится, если только это кушанье приправлено лестью. Нельзя сказать, чтобы это было честно, но к нужным людям необходимо применяться. Раз другого средства нет, виноват уже не тот, кто льстит, а тот, кто желает, чтобы ему льстили.

Элиза. Хорошо бы вам и с братом подружиться, а то на служанку полагаться опасно — вдруг она вздумает выдать нас?

Валер. С обоими я, пожалуй, не слажу. Они

так друг на друга не похожи, что к ним сразу не подделаешься. Лучше уж вы воздействуйте на брата — ведь вы же с ним дружны… Да вот и он. Я ухожу. Поговорите-ка с ним теперь же, только не очень откровенничайте.

Элиза. Не знаю, хватит ли у меня храбрости.

Валер уходит.

Явление второе

Элиза, Клеант.

Клеант. Ты одна, Элиза? Как я рад! Слушай: я должен открыть тебе тайну.

Элиза. Я слушаю тебя внимательно. Что скажешь?

Клеант. Многое скажу, сестра, но в двух словах: я влюблен.

Элиза. Влюблен?

Клеант. Да, влюблен. Но погоди! Я знаю, что завишу от отца и не смею выходить из его воли. Без согласия родителей мы не вправе давать какие бы то ни было обязательства, их желания должны быть нашими желаниями, других мы иметь не можем — так уж судили Небеса. Они застрахованы от всяких безумств, а потому у них и ошибок меньше, чем у нас, им виднее, что нам пригодно, что — нет. Благоразумие просвещает, а страсть ослепляет. Увлечения молодости толкают нас к пропасти… Все это я говорю тебе, сестра, для того, чтобы ты мне этого уже не говорила: моя любовь ничего не желает слушать, разуверять меня бесполезно.

Элиза. Ты посватался, Клеант?

Клеант. Нет еще, но это решено. Еще раз прошу тебя: не отговаривай меня.

Элиза. Ты считаешь меня способной на это?

Клеант. Нет, Элиза, но ты не влюблена: ты не знаешь, какую отрадную власть имеет пылкая любовь над сердцем, я боюсь твоей рассудительности.

Элиза. Ах, не будем говорить о моей рассудительности, Клеант! Кто хоть раз в жизни не терял рассудка? Открой я тебе свое сердце, ты, быть может, увидел бы, что я гораздо менее рассудительна, чем ты.

Клеант. О, если бы и твое сердце…

Элиза. Поговорим сначала о тебе. В кого ты влюблен?

Клеант. В молодую девушку, она недавно поселилась неподалеку от нас. Ее достаточно увидеть, чтобы полюбить. Никогда еще природа не создавала ничего более прелестного, с первый же встречи я пришел в восхищение. Зовут ее Марианой, живет она с больной матерью и трогательно забоится о ней, как истинно любящая дочь. Что бы она ни делала, все у нее выходит так мило! Это само очарование, сама нежность, подкупающая доброта, изумительная душевная чистота… Ах, если бы ты увидела ее, Элиза!

Элиза. А я и так ее вижу. Ты ее любишь — этого с меня довольно.

Клеант. Я узнал стороной, что они очень небогаты и при всей своей бережливости еле-еле сводят концы с концами. Представь себе, Элиза, как был бы я рад облегчить нужду любимой девушки и незаметно помочь скромным, хорошим людям. Представь и пойми, каково это мне, что из-за скупости отца я принужден лишить себя этой радости и ничем не могу доказать свою любовь!

Элиза. Да, я понимаю, Клеант, как тебе должно быть горько.

Клеант. То есть так горько, сестра, что и сказать нельзя. В самом деле, что может быть ужаснее этой черствости, этой непонятной скаредности отца? На что нам богатство в будущем, если мы не можем воспользоваться им теперь, пока молоды, если я весь в долгу, оттого что мне жить не на что, если нам с тобой приходится, чтобы мало-мальски прилично одеваться, брать в долг у купцов? Выведай у отца, как он отнесется к моему решению. Коли заупрямится, я уеду с Марианой, Бог даст, как-нибудь да проживем. Перехвачу где-нибудь деньжонок. Знаешь что, Элиза, если и ты в таком же положении, как и я, если отец будет нам мешать, уедем оба, бросим его, освободимся

наконец от невыносимого гнета его скупости.

Элиза. Да, с каждым днем нам все тяжелее становится жить без матушки и…

Клеант. Я слышу его голос. Уйдем, докончим наш разговор и попробуем совместными усилиями сломить его нрав.

Элиза и Клеант уходят.

Явление третье

Гарпагон, Лафлеш.

Гарпагон. Вон сию же минуту, без всяких разговоров! Убирайся, мошенник! Прочь с глаз моих, висельник!

Лафлеш *(про себя).* Отродясь не видал я такого злого старикашку. Бес в него вселился, прости, Господи, мое согрешение.

Гарпагон. Что ты там бормочешь?

Лафлеш. За что вы меня гоните?

Гарпагон. И ты еще спрашиваешь, негодяй? Вон, пока я тебя не исколотил!

Лафлеш. Что я вам сделал?

Гарпагон. Я хочу, чтобы ты убрался, — вот что!

Лафлеш. Ваш сын, сударь, приказал мне дожидаться его.

Гарпагон. Дожидайся на улице, а не у меня в доме. Нечего тебе здесь торчать, высматривать да вынюхивать. Соглядатай! Предатель! Так и следит, так и шарит своими проклятыми глазами, что я делаю, где что плохо лежит, нельзя ли что-нибудь стянуть, — мне это надоело.

Лафлеш. Черта с два у вас что-нибудь стянешь, когда вы все под замком держите да еще день и

ночь сторожите!

Гарпагон. Держу под замком — значит, нахожу нужным; сторожу — значит, мне так нравится. Сыщик тоже выискался, до всего ему дело! *(Про себя.)* А что, если он проведал о моих деньгах? *(Громко.)* Уж не вздумал ли ты рассказать где-нибудь, что я деньги прячу?

Лафлеш. А вы таки прячете?

Гарпагон. Я этого не говорил, бездельник! *(Про себя.)* Как он меня бесит! *(Громко.)* Я спрашиваю: не дернула ли тебя нелегкая рассказывать, что у меня есть деньги?

Лафлеш. Э, что нам за дело — есть у вас деньги, нет ли! Нам от этого ни тепло, ни холодно.

Гарпагон *(замахнувшись, чтобы дать ему пощечину).* Ты еще рассуждаешь? Я тебя отучу рассуждать… Убирайся вон, в последний раз говорю тебе!

Лафлеш. Хорошо, я уйду.

Гарпагон. Постой! Ты ничего не стащил?

Лафлеш. Что у вас тащить-то?

Гарпагон. Не верю. Покажи руки!

Лафлеш. Вот вам руки.

Гарпагон. Другие![2]

Лафлеш. Другие?!

Гарпагон. Другие.

Лафлеш. Вот вам другие!

Гарпагон *(показывая на его штаны).* А туда ничего не спрятал?

Лафлеш. Посмотрите!

Гарпагон *(ощупывая его).* Эти широкие штаны как раз для того и придуманы, чтоб прятать краденое. Вешать бы тех надо, кто такие штаны носит!

Лафлеш *(про себя).* Вот он-то как раз и заслуживает того, чего боится, вот бы кого я с радостью обокрал!

Гарпагон. А?

Лафлеш. Что?

Гарпагон. Что это ты говоришь: обокрал?

Лафлеш. Я говорю, что вы меня обыскиваете — думаете, что я вас обокрал.

Гарпагон. Вот-вот! *(Шарит у Лафлеша в карманах.)*

Лафлеш *(про себя).* Будь прокляты все скряги со всем их скряжничеством!

---

[2] Примечания: 2

Покажи, руки!.. Другие! — Эта комическая сцена восходит к пьесе Плавта «Горшок», где скупой Эвклион, осмотрев обе руки слуги, велит ему показать еще «третью».

Гарпагон. Как? Что ты говоришь?

Лафлеш. Что я говорю?

Гарпагон. Ну да! Что ты говоришь о скрягах и о скряжничестве?

Лафлеш. Я говорю: будь они прокляты.

Гарпагон. Кто?

Лафлеш. Скряги.

Гарпагон. А кто они, эти скряги?

Лафлеш. Пакостники и сквернавцы.

Гарпагон. Кто ж они такие?

Лафлеш. Да вы-то из-за чего беспокоитесь?

Гарпагон. Это уж мое дело.

Лафлеш. Вы, может, думаете, что говорю про вас?

Гарпагон. Я думаю то, что думаю, но ты мне должен сказать, кому ты это говоришь.

Лафлеш. Я говорю… Я говорю моей шапке.

Гарпагон. Вот тебе по шапке-то и попадет за это.

Лафлеш. Не можете же вы запретить мне бранить скряг!

Гарпагон. Не могу, но зато я могу заткнуть тебе глотку, чтобы не слышать твоих дерзостей. Молчать!

Лафлеш. Я никого не назвал.

Гарпагон. Я тебя отдую, если ты еще хоть слово

скажешь.

Лафлеш. Знает кошка, чье мясо съела!

Гарпагон. Ты замолчишь?

Лафлеш. Замолчу-поневоле.

Гарпагон. А-а!

Лафлеш *(показывает Гарпагону карман своего камзола).* Смотрите, вот еще карман. Теперь вы довольны?

Гарпагон. Ну-ну отдай сам!

Лафлеш. Да что отдай-то?

Гарпагон. То, что ты взял.

Лафлеш. Я у вас ничего не брал.

Гарпагон. Наверное?

Лафлеш. Наверное.

Гарпагон. Прощай! Пошел ко всем чертям!

Лафлеш *(про себя).* Вот так расчет!

Гарпагон. Грех на твоей душе, ежели что…

Лафлеш уходит.

Явление четвертое

Гарпагон один.

Гарпагон. Этот бездельник вывел меня из себя, видеть не могу хромого пса[3]! Да, немалая забота — хранить у себя много денег. Счастлив тот, кто может держать капитал в надежном месте, а в кармане иметь только на необходимые расходы. Куда их спрячешь? Сундукам я решительно не доверяю: это приманка для воров — на сундуки-то они первым делом и кидаются.

Входят Клеант и Элиза и тихо говорят между собой.

---

[3] Примечания: 3

...видеть не могу хромого пса! — Роль Лафлеша исполнял Луи Бежар (младший), который прихрамывал.

Явление пятое

Гарпагон, Клеант, Элиза.

Гарпагон *(думая, что он один).* Не знаю, хорошо ли я сделал, что зарыл в саду десять тысяч экю, которые мне вчера вернули. Держать десять тысяч экю золотом — это, я вам скажу… *(Заметив Клеанта и Элизу.)* Боже! Я сам себя выдаю! Я увлекся и, кажется, начал думать вслух. *(Клеанту и Элизе.)* Что такое?

Клеант. Ничего, батюшка.

Гарпагон. Вы давно здесь?

Элиза. Только что вошли.

Гарпагон. Вы слышали?

Клеант. Что, батюшка?

Гарпагон. Да вот…

Клеант. Что?

Гарпагон. Что я сказал…

Клеант. Нет.

Гарпагон. Врешь! Врешь!

Элиза. Простите, но…

Гарпагон. Вы кое-что слышали, дело ясное. Это я сам с собой рассуждал, как трудно теперь наживать деньги, говорил, что, мол, счастлив тот, у кого есть десять тысяч экю.

Клеант. Мы боялись подойти, чтобы не помешать вам.

Гарпагон. Я очень рад, что разъяснил вам, а то вы, чего доброго, не так поняли бы меня — вообразили бы, что это я про себя говорю, будто у меня десять тысяч экю.

Клеант. Мы в ваши дела не вмешиваемся.

Гарпагон. Ах, если б у меня было десять тысяч экю!

Клеант. Я не думаю…

Гарпагон. Уж как бы они мне пригодились!

Элиза. Это такое дело…

Гарпагон. Они мне очень нужны.

Клеант. Я полагаю…

Гарпагон. Это бы сильно поправило мои дела.

Элиза. Да вы…

Гарпагон. Я бы тогда не плакался на худые времена.

Клеант. Батюшка! Вам ли плакаться? Всем известно, что вы человек богатый.

Гарпагон. Кто? Я богатый? Врут! Вот уж напраслина! Одни мошенники могут распускать такие слухи.

Элиза. Не сердитесь, батюшка.

Гарпагон. Не диво ли, что родные дети предают меня и становятся моими врагами?

Клеант. Разве сказать, что вы богаты, значит быть вашим врагом?

Гарпагон. Да. Такие разговоры и твое мотовство приведут к тому, что меня скоро зарежут — в надежде, что у меня денег куры не клюют.

Клеант. Какое ж такое мотовство?

Гарпагон. Какое? Да что может быть неприличнее того роскошного костюма, в котором ты шатаешься по городу? Вчера я бранил твою сестру, но это еще хуже. Как тебя еще земля носит? Ты только посмотри на себя — на тебе все с иголочки. Двадцать раз я говорил тебе, Клеант: не нравится мне твое поведение. Строишь из себя маркиза. Чтобы так одеваться, ты должен обкрадывать меня, не иначе.

Клеант. То есть как — обкрадывать?

Гарпагон. А я почем знаю? Ну где ты берешь деньги, чтобы жить так, как ты живешь?

Клеант. Где? Я играю, мне обыкновенно везет, весь выигрыш я на себя и трачу.

Гарпагон. Это очень дурно. Если тебе везет в игре, ты должен этим пользоваться и отдавать деньги в рост, чтобы сберечь их на черный день. Не говоря о чем другом, хотелось бы мне знать, на кой черт все эти ленты, которыми ты увешан с головы до ног? Разве недостаточно полдюжи-

ны шнурков, чтобы штаны держались? Зачем тратить деньги на парики, когда можно даром носить свои волосы? Я готов об заклад биться, что твои парики и ленты стоят, по крайней мере, двадцать пистолей[4], а двадцать пистолей приносят в год восемнадцать ливров шесть су восемь денье[5] — и это только из восьми процентов[6]!

Клеант. Вы правы.

Гарпагон. Оставим это, однако, и поговорим о другом. *(Заметив, что Клеант и Элиза обмениваются знаками.)* Э! *(Про себя.)* Мне сдается, что они замышляют обокрасть меня. *(Громко.)* Что вы там? А?

Элиза. Мы с ним торгуемся, кому первому говорить: мы оба хотим вам кое-что сказать.

Гарпагон. И я вам тоже хочу кое-что сказать.

Клеант. Мы насчет брака, батюшка.

Гарпагон. И я тоже насчет брака.

Элиза. Ах, батюшка!

---

[4] Примечания: 4

Пистоль — старинная золотая монета ценностью около десяти франков.

[5] Примечания: 5

Ливр и денье — старинные французские денежные единицы, приблизительно соответствующие современному франку и сантиму.

[6] Примечания: 6

...это только из восьми процентов. — Этот процент значительно выше установленного в те времена законом.

Гарпагон. Почему «ах!» Что тебя так испугало: слово или самый брак?

Клеант. Брак может испугать нас обоих оттого, что мы не знаем, как вы на него посмотрите. Мы боимся, что наши чувства, пожалуй, не будут согласны с вашим выбором.

Гарпагон. Имейте терпение. Беспокоиться вам решительно не о чем. Я знаю, что для вас обоих нужно, вам не придется сетовать на то, как я намерен поступить. Итак… *(Клеанту.)* Скажи: ты видел молодую особу по имени Мариана, что живет недалеко отсюда?

Клеант. Видел, батюшка.

Гарпагон *(Элизе).* А ты?

Элиза. Я об ней слыхала.

Гарпагон. Как ты находишь, Клеант, эту девушку?

Клеант. Прелестная девушка!

Гарпагон. Какова она?

Клеант. Сама скромность, а уж какая умница!..

Гарпагон. А наружность? Обращение?

Клеант. У нее все хорошо!

Гарпагон. Не правда ли, о такой девушке стоит подумать?

Клеант. О да, батюшка!

Гарпагон. Не правда ли, лучшей жены и же-

лать не надо?

Клеант. Конечно, не надо.

Гарпагон. Не правда ли, из нее выйдет отличная хозяйка?

Клеант. Еще бы!

Гарпагон. И муж будет вполне ею доволен?

Клеант. Вполне.

Гарпагон. Есть, однако, маленькая помеха: боюсь я, что она вся тут, со всем ее приданым.

Клеант. Ах, батюшка, что значит приданое, когда женишься на такой девушке!

Гарпагон. Напрасно ты так говоришь, напрасно! Лучше мы скажем так: нет приданого? Что делать! При умении можно его возместить.

Клеант. Само собой разумеется.

Гарпагон. Ну, я очень рад, что мы сошлись. Ее скромность и кроткость очаровали меня, и я решил жениться на ней, лишь бы нашлось у нее хоть что-нибудь в приданое.

Клеант. Ах!

Гарпагон. Ты что?

Клеант. Вы решили?

Гарпагон. Жениться на Мариане.

Клеант. Кто? Вы? Вы?

Гарпагон. Ну да, я! я! Что с тобой?

Клеант. Мне дурно, я должен уйти.

Гарпагон. Это ничего. Ступай на кухню и выпей стакан холодной воды.

Клеант уходит.

Явление шестое

Гарпагон, Элиза.

Гарпагон. Вот она, нынешняя молодежь! Мокрые куры! Итак, Элиза, насчет себя я решил твердо. Твоего брата я женю на вдове, о которой мне говорили утром, а тебя я выдаю за господина Ансельма.

Элиза. За господина Ансельма?

Гарпагон. Да. Это человек степенный, благоразумный, толковый, ему не больше пятидесяти лет, о богатстве же его всем известно.

Элиза *(приседая).* Смею вас уверить, батюшка, что я вовсе не хочу идти замуж.

Гарпагон *(передразнивая).* Смею вас уверить, милая дочка, что вы замуж выйдете.

Элиза *(приседая).* Не взыщите, батюшка.

Гарпагон *(передразнивая ее).* Не взыщите, дочка.

Элиза. Я очень уважаю господина Ансельма, но *(приседая),* как вам будет угодно, я за него не выйду.

Гарпагон. Я ваш покорный слуга, но *(передразнивая ее)* как вам будет угодно, а вы за него выйдете сегодня вечером.

Элиза. Сегодня вечером?

Гарпагон. Сегодня вечером.

Элиза *(приседая).* Этого не будет, батюшка.

Гарпагон *(передразнивая ее).* Будет, дочка.

Элиза. Нет!

Гарпагон. Да!

Элиза. Говорят вам — нет!

Гарпагон. Говорят вам — да!

Элиза. Вы меня не заставите!

Гарпагон. Нет, заставлю!

Элиза. Я скорей руки на себя наложу, чем выйду за него.

Гарпагон. Рук ты на себя не наложишь, а за него выйдешь. Нет, какова дерзость! Слыхано ли, чтобы дочь так разговаривала с отцом?

Элиза. А видано ли, чтобы отец так выдавал дочь замуж?

Гарпагон. Против такой партии ничего не скажешь: всякий одобрит мой выбор, хоть сейчас об заклад.

Элиза. Хоть сейчас об заклад, что ни один умный человек вашего выбора не одобрит.

Явление седьмое *Те же и* Валер.

Гарпагон *(заметив в глубине сцены Валера).* Вот Валер. Хочешь, отдадимся на его суд?

Элиза. Я согласна.

Гарпагон. И ты подчинишься его решению?

Элиза. Да, что он скажет — тому и быть.

Гарпагон. Чего лучше! Поди сюда, Валер! Мы тебя выбрали судьей, чтобы ты решил, кто из нас прав — она или я.

Валер. Конечно, вы, и толковать не об чем.

Гарпагон. Да ты знаешь ли, о чем у нас речь?

Валер. Нет, но вы не можете быть не правы: вы — олицетворенный разум.

Гарпагон. Я хочу нынче же вечером выдать ее за человека и богатого и степенного, а она, бездельница, смеется мне в глаза и говорит, что не хочет. Что ты на это скажешь?

Валер. Что я на это скажу?

Гарпагон. Да.

Валер. Гм! Гм!

Гарпагон. Что?

Валер. Я скажу, что, в сущности, я на вашей стороне, вы не можете ошибаться, но и у нее, вероятно, есть какие-нибудь основания, так что…

Гарпагон. Господин Ансельм — это ли не партия? Человек благородный, благонравный, положительный, разумный и с большими средствами. От первого брака детей у него нет. Это ли не сокровище?

Валер. Так-то оно так, но она может сказать

вам: к чему такая спешка? Нужно хоть немного времени, чтобы проверить свои чувства…

Гарпагон. Случай надо хватать за вихор. Упустишь — другого не дождешься. Ансельм-то ведь берет ее без приданого.

Валер. Без приданого?

Гарпагон. Да.

Валер. А! Ну, тогда другое дело. Это, видите ли, такой убедительный довод… тут уж нечего…

Гарпагон. Что я сберегаю-то при этом?

Валер. Понятно! Какие уж тут возражения? Правда, ваша дочь может сказать, что брак — великое дело. Выйти замуж — значит быть ей счастливой или несчастной на всю жизнь, так что, прежде чем заключить союз до могилы, нужно крепко подумать.

Гарпагон. Без приданого!

Валер. Вы правы. Это решает все, кончено дело. Кто-нибудь, пожалуй, станет убеждать вас, что в подобных случаях нельзя не считаться с сердцем девушки и что слишком большая разница в возрасте, наклонностях и чувствах крайне опасна для супружества.

Гарпагон. Без приданого!

Валер. Да, тут уж ничего не скажешь, дело ясное, тут сам черт рта не разинет. Хотя опять-

таки есть немало родителей, которым счастье их дочерей дороже денег; они ни за что не пожертвовали бы этим счастьем ради собственной выгоды и прежде всего позаботились бы о том, чтобы супруги жили ладно, дружно, в радости и в спокойствии, были верны друг другу и чтобы…

Гарпагон. Без приданого!

Валер. Да, правда, молчу! Без приданого! Этим все сказано!

Гарпагон *(про себя, поглядывая в сторону сада).* Ой! Кажется, собака лает. Не добираются ли до моих денег? *(Валеру.)* Не уходи. Я сейчас вернусь. *(Уходит.)*

Явление восьмое

Элиза, Валер.

Элиза. Что за шутки, Валер?

Валер. Это для того, чтобы не раздражать его и добиться, чего нам надо. Противоречить ему — значит все испортить. Есть такие упрямцы, люди, неуступчивые от природы: на них можно действовать только окольными путями, они не терпят ни малейшего сопротивления, всякая правда ожесточает их, прямым доводам рассудка они не внемлют, им необходимо потакать. Делайте вид, что во всем соглашаетесь с ним, и будет по-вашему, а иначе…

Элиза. Но этот брак, Валер!..

Валер. Подумаем, как бы его расстроить.

Элиза. Думать уже поздно — много ли времени до вечера?

Валер. Попросите отсрочки, притворитесь больной.

Элиза. Я притворюсь, а врач меня выдаст!

Валер. Тоже сказали! Что они понимают, врачи-то? Притворяйтесь смело, какую хотите болезнь выдумывайте — они всему поверят и всему дадут объяснение.

Явление девятое

Те же и Гарпагон.

Гарпагон *(в глубине сцены, про себя).* Все слава Богу.

Валер *(не видя Гарпагона).* Наконец, у нас есть спасение в бегстве. И если ваша любовь, дорогая Элиза, способна устоять… *(Заметив Гарпагона.)* Да, дочь должна повиноваться отцу Разбирать женихов — не ее дело, а если еще без приданого, так уж тут и рассуждать нечего: бери что дают.

Гарпагон. Так! Отлично сказано!

Валер. Простите, сударь, я погорячился и позволил себе взять неподобающий тон.

Гарпагон. Что ты! Да я в восторге, даю тебе над ней полную власть! *(Элизе.)* Теперь уж ты не отвертишься. Ту власть над тобой, которой меня облекло Небо, отныне я передаю ему и требую, чтобы ты из его воли не выходила.

Валер *(Элизе).* Попробуйте теперь меня ослушаться!

Элиза уходит.

Явление десятое

Валер, Гарпагон.

Валер. Я пойду за ней, сударь, и буду продолжать наставлять ее.

Гарпагон. Ты меня очень этим обяжешь…

Валер. Ее надо держать в ежовых рукавицах.

Гарпагон. Это верно. Тем более что…

Валер. Не беспокойтесь. Я уверен в успехе.

Гарпагон. С Богом, с Богом! А мне необходимо отлучиться ненадолго.

Валер *(направляется к выходу и, дойдя до двери, как бы обращается к Элизе).* Да, деньги важнее всего на свете. Вы должны благодарить за то, что у вас такой отец. Он знает жизнь. Когда предлагают взять девушку без приданого, вперед заглядывать нечего. Без приданого — это все, это заменяет красоту, молодость, знатное происхождение, честь, благоразумие, скромность.

Гарпагон. Славный малый! Что ни слово, то перл. Хорошо, что у меня такой слуга!

Действие второе

Явление первое

Клеант, Лафлеш.

Клеант. Негодяй ты этакий! Где ты пропадаешь? Ведь я приказал тебе…

Лафлеш. Точно так, сударь, я хотел вас дождаться во что бы то ни стало, но ваш батюшка — неучтивый он человек, доложу я вам, — прямотаки выгнал меня и едва не прибил.

Клеант. Как наше дело? Обстоятельства нас торопят: оказывается, отец — мой соперник.

Лафлеш. Ваш батюшка влюбился?

Клеант. Да. И чего мне стоило скрыть от него мое волнение, когда я узнал об этом!

Лафлеш. Ему влюбляться? Что за блажь! Уж не лукавый ли его попутал? Издевается он над добрыми людьми, что ли? Таким ли, как он, влюбляться!

Клеант. За грехи мои, должно быть, пришло это ему в голову.

Лафлеш. Что же вы не открылись ему?

Клеант. Не хотел возбуждать в нем подозрений, иначе мне трудно будет расстроить этот брак… Ну, какой ответ?

Лафлеш. Ей-богу, сударь, занимать деньги

— чистая беда: попадешь в лапы к ростовщикам, как вы, например, — всего натерпишься.

Клеант. Полный отказ, стало быть?

Лафлеш. Нет, почему? Наш Симон — это, я вам доложу, маклер, каких мало, — говорит, что он для вас все вверх дном перевернул. Уверяет, что вы своим видом пленили его.

Клеант. Так я получу пятнадцать тысяч франков?

Лафлеш. Да, но только в том случае, если вы согласитесь на некоторые условия.

Клеант. Посылал он тебя к заимодавцу?

Лафлеш. Что вы! Да разве так дела делаются? Тот еще старательнее прячется, чем вы: здесь такая таинственность, что вы и представить себе не можете. Он ни за что не откроет своего имени. А сегодня вас сведут с ним в чужом доме, и вы скажете ему про ваше состояние и семейное положение. Ну, конечно, как только он узнает, кто ваш отец, — дело устроится.

Клеант. Тем более что мое состояние — материнское, оттягать его нельзя.

Лафлеш. А вот его условия — он сам продиктовал их Симону, чтобы тот предъявил их вам, прежде чем вести дальнейшие переговоры: «Если заимодавец сочтет себя в достаточной мере обес-

печенным, заемщик же достиг совершеннолетия и принадлежит к семейству, обладающему изрядным, прочным, верным, чистым и свободным от долгов состоянием, надлежащей точности обязательство будет подписано у благонадежного нотариуса, по выбору заимодавца, для которого в особенности важно, чтобы настоящий договор соответствовал всем требованиям закона…»

Клеант. Против этого ничего нельзя сказать.

Лафлеш. «Заимодавец, дабы не испытывать ни малейших угрызений совести, желает ссудить требуемую сумму лишь из пяти процентов…»

Клеант. Из пяти процентов? Это по-божески. Грех жаловаться.

Лафлеш. Что верно, то верно. «Но так как вышеупомянутый заимодавец не располагает требуемой суммой и для удовлетворения заемщика вынужден занять таковую у другого лица из двадцати процентов, то эти последние — само собой разумеется — должны быть уплачены тем же заемщиком ввиду того, что вышеупомянутый заимодавец совершает заем единственно из одолжения…»

Клеант. Ах, черт возьми! Да ведь это жид, да ведь это арап! Ведь это уж выходит из двадцати пяти!

Лафлеш. Совершенно верно, я так и говорил. Подумайте.

Клеант. Да что тут думать! Мне деньги нужны, поневоле согласишься.

Лафлеш. Я так и сказал.

Клеант. Еще что-нибудь есть?

Лафлеш. Еще одно маленькое условие: «Из требуемой суммы в пятнадцать тысяч франков заимодавец может выдать наличными деньгами лишь двенадцать тысяч; остальные три тысячи заемщик обязуется принять вещами, поименованными в прилагаемой описи, по произведенной вышеупомянутым заимодавцем умеренной и добросовестной оценке…»

Клеант. Что это значит?

Лафлеш. «Во-первых, кровать на четырех ножках — покрывало оливкового цвета, весьма искусно отделано венгерским кружевом, — стеганое одеяло и полдюжины стульев. Все в полной исправности, одеяло и покрывало подбиты легкой тафтой красного и голубого цвета. Далее, полог из добротной омальской саржи[7] цвета засохшей розы, с позументами и шелковой бахромой…»

---

[7] Примечания: 7

Омальская саржа — ткань, выделываемая в алжирском городе Омале.

Клеант. Куда мне это, на что?

Лафлеш. Постойте. «Далее, тканые обои с узорами, изображающими приключения двух любовников — Гамбо и Масеи[8]. Далее, большой раздвигающийся стол орехового дерева на двенадцати точеных ножках; к нему шесть табуретов…»

Клеант. На кой мне это черт!

Лафлеш. Имейте терпение. «Далее, три мушкета крупного калибра, выложенные перламутром, к ним три сошки[9]. Далее, кирпичная перегонная печь с двумя колбами и тремя ретортами — вещь необходимая для любителей перегонки…»

Клеант. Сил моих нет!

Лафлеш. Не волнуйтесь. «Далее, болонская лютня с почти полным комплектом струн. Далее, бильярд, шашечница, а также гусек, игра древних греков, ныне снова вошедшая в моду, — во все эти игры приятно поиграть от нечего делать. Далее, чучело ящерицы, длиной в три с половиной фута, — эту диковину можно привесить к потолку

---

[8] Примечания: 8

…любовников — Гамбо и Масеи. — Старинная популярная повесть «История любви Гамбо и Масеи» часто служила сюжетом для рисунков на гобеленах и обойных тканях.

[9] Примечания: 9

Сошки — подставки для мушкета при стрельбе с упора.

для украшения комнаты. Все вышеупомянутые предметы, стоящие никак не менее четырех с половиной тысяч ливров, заимодавец из любезности готов уступить за тысячу экю».

Клеант. Провались он со своей готовностью, кровопийца гнусный! Слыхано ли что-нибудь подобное? Мало ему чудовищных процентов — он еще хочет навязать мне хламу всякого вместо трех тысяч ливров! Да я и двухсот экю за него не выручу!.. И все-таки приходится согласиться: разбойник приставил мне нож к горлу и дохнуть не дает.

Лафлеш. Не прогневайтесь, сударь, но залезать в долги, дорого покупать, дешево продавать, съедать хлеб на корню — это прямой путь к разорению: вспомните Панурга[10]!

Клеант. А что прикажешь делать? Вот до чего наши отцы доводят нас своей проклятой скупостью! Можно ли после этого удивляться, что мы желаем их смерти?

Лафлеш. По правде говоря, скаредность вашего батюшки хоть кого выведет из терпения. Я, благодаря Бога, к мошенническим проделкам не очень склонен, и хоть наш брат не прочь поживиться

---

[10] Примечания: 10

Панург — персонаж романа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль».

где можно, но я знаю меру и умею увертываться от всего, что мало-мальски пахнет виселицей, однако, глядя на вашего батюшку, меня, сознаюсь, так и подмывает обокрасть его, и я даже думаю, что это было бы доброе дело.

Клеант. Покажи-ка мне опись…

Явление второе

Те же, Гарпагон и Симон. Клеант и Лафлеш в глубине сцены.

Симон. Да, сударь, этот молодой человек нуждается в деньгах. Обстоятельства его таковы, что он заранее согласен на все ваши условия.

Гарпагон. А вы уверены, Симон, что это дело безопасное? Известно ли вам имя, имущество и семейное положение того, о ком вы говорите?

Симон. Нет. Мне известно о нем очень мало — меня случайно указали ему. Но вам-то он, конечно, все расскажет, его человек уверял меня, что вы останетесь им довольны. Знаю только, что он из богатой семьи, что его мать умерла и что он ждет смерти отца не позже как через восемь месяцев, в чем даже готов выдать вам расписку.

Гарпагон. Все это похоже на дело. Любовь к ближнему, Симон, обязывает нас по мере возможности оказывать помощь.

Симон. Разумеется.

Лафлеш *(узнав Симона, Клеанту, тихо).* Что это? Наш Симон говорит с вашим батюшкой.

Клеант *(Лафлешу, тихо).* Неужто Симон узнал, кто я такой? Не ты ли меня выдал?

Симон *(Клеанту и Лафлешу).* Э, вы поторопились! Кто вам сказал, что это здесь? *(Гарпагону.)* Они явились сюда не по моей вине, сударь, — я им говорил, как вас зовут и где вы живете. Но я думаю, что большой беды в этом нет: я уверен в их скромности. Вам остается только объясниться с ними.

Гарпагон. Как!

Симон *(указывая на Клеанта).* Вот он, молодой человек, который желает занять у вас пятнадцать тысяч ливров.

Гарпагон. Бездельник! Так это ты дошел до такого безобразия?

Клеант. Батюшка! Так это вы занимаетесь такими нехорошими делами?

Симон *убегает,* Лафлеш *прячется.*

Явление третье

Клеант, Гарпагон.

Гарпагон. Так это ты намерен разорить себя постыдными займами?

Клеант. Так это вы наживаетесь на предосудительном ростовщичестве?

Гарпагон. И после этого ты осмеливаешься показываться мне на глаза?

Клеант. И после этого вы осмеливаетесь смотреть в глаза добрым людям?

Гарпагон. Дойти до такого беспутства, влезть в неоплатные долги, бессовестно размотать состояние, в поте лица скопленное родителями, — да где у тебя стыд?

Клеант. Опозорить себя подобного рода сделками, пожертвовать добрым именем ради наживы, превзойти в утонченном лихоимстве самых отъявленных кровопийц, — и вы не краснеете?

Гарпагон. С глаз долой, негодяй! С глаз долой!

Клеант. Кто, по-вашему, хуже: тот ли, кто нуждается в деньгах и достает их за деньги, или тот, кто их грабит и не знает, что с ними делать?

Гарпагон. Убирайся, говорят тебе! Не выводи меня из терпения.

Клеант *уходит.*

Нет худа без добра, теперь уж я буду глядеть за ним в оба!

Явление четвертое

Гарпагон, Фрозина.

Фрозина. Сударь!

Гарпагон. Подожди. Я сейчас вернусь и поговорю с тобой. *(Про себя.)* Посмотрю, что-то мои денежки! *(Уходит.)*

Явление пятое

Фрозина, Лафлеш.

Лафлеш *(не видя Фрозины).* Вот так приключение! Должно быть, у него целый склад всякой рухляди, в описи нет ни одной знакомой вещи.

Фрозина. А, это ты, Лафлеш! Как ты сюда попал?

Лафлеш. Батюшки! Фрозина! Ты здесь зачем?

Фрозина. Все за тем же: устраиваю делишки, оказываю услуги, насколько хватает умения. Без этого теперь и на свете не прожить, сам знаешь: такие люди, как я, только ловкостью да пронырством и сыты.

Лафлеш. У тебя какие-нибудь дела с хозяином этого дома?

Фрозина. Да, есть у нас с ним дельце, надеюсь поживиться.

Лафлеш. От него-то? Ну уж… Честь тебе и слава будет, если ты хоть что-нибудь из него вытянешь! Должен тебя предупредить, что здесь деньги в большой цене.

Фрозина. Услуга услуге рознь.

Лафлеш. Как бы не так! Ты, видно, еще не знаешь господина Гарпагона. Господин Гарпагон из

всех человеческих существ существо самое бесчеловечное, это не простой смертный, а смертный грех. Нет такой услуги, которая бы заставила его из благодарности раскошелиться. Насчет похвалы, знаков уважения, благосклонности на словах, дружбы — это сколько угодно, а вот насчет денег — ни-ни! Его любезности и ласки сухи и бесплодны. Нет для него хуже слова, чем «дать»; он никогда не скажет — дам, а непременно — ссужу.

Фрозина. Господи Боже мой! Меня-то уж не учить, как людей выдаивать. Я кого хошь разжалоблю, до любого сердца достучусь, ни одного слабого местечка без внимания не оставлю.

Лафлеш. Все это здесь ни к чему. Посмотрю я, как ты его разжалобишь по части денег! Это чистый турок, да и турок-то из самых безжалостных. Околевай на его глазах — он и не пошевельнется. Одним словом, деньги для него дороже славы, дороже чести, дороже добродетели. Один вид просящего вызывает у него судороги. Попросить у него — это значит бить его по больному месту, пронзить ему сердце, вытянуть из него внутренности, и если… Идет! Прощай! *(Уходит.)*

Явление шестое

Фрозина, Гарпагон.

Гарпагон *(про себя).* Все в порядке. *(Громко.)* Ну что, Фрозина?

Фрозина. Ах, как вы прекрасно выглядите! Сразу видно, что вы вполне здоровы!

Гарпагон. Кто? Я?

Фрозина. Я еще никогда не видала вас таким свежим и бодрым.

Гарпагон. В самом деле?

Фрозина. Я думаю, во всю свою жизнь вы не были таким молодцом, как теперь; я знаю двадцатипятилетних — старики перед вами!

Гарпагон. Однако, Фрозина, мне уже шестьдесят.

Фрозина. Ну и что же? Шестьдесят лет! Подумаешь, как много! Самый что ни на есть цветущий возраст, лучшая пора для мужчины.

Гарпагон. Пожалуй. А все-таки лет двадцать с плеч долой было бы не худо.

Фрозина. Полно! Никакой вам в этом надобности нет: вы и так сто лет проживете.

Гарпагон. Ты думаешь?

Фрозина. Непременно. По всем приметам.

Покажитесь-ка!.. Ну так и есть: между бровей складка — это к долголетию.

Гарпагон. Ты в этом что-нибудь смыслишь?

Фрозина. Еще бы не смыслить! Дайте руку... Господи Боже мой, и конца-то не найдешь!

Гарпагон. Чему?

Фрозина. Видите, до какого места эта линия доходит?

Гарпагон. А что это означает?

Фрозина. Хотите — верьте, хотите — нет, я сказала — сто, так еще двадцать накиньте!

Гарпагон. Врешь!

Фрозина. На вас и смерти нет, прямо вам скажу. Вы еще детей и внуков похороните.

Гарпагон. Тем лучше! Как наши дела?

Фрозина. И спрашивать нечего. Когда-нибудь я не исполняла, за что бралась? А уж где сватовство, там на меня смело положитесь... Нет такой свадьбы на свете, какой бы я живо не состряпала. Кажется, приди мне только в голову — турецкого султана женила бы на Республике Венецианской[11]. Наше-то дело, конечно, полегче. И мать

---

[11] Примечания: 11

...турецкого султана женила бы на республике Венецианской. — Выражение, заимствованное из романа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль» (кн. III, гл. 41). С XVb. Турция и Венецианская республика находились во враждебных отношениях.

и дочь хорошо меня знают, и я наговорила им о вас с три короба. Матери успела шепнуть, что вы не раз видели Мариану на улице и у окна и какие у вас на ее счет намерения.

Гарпагон. Что ж она?

Фрозина. Обрадовалась. А когда я ей сказала, что вы хотите сегодня же вечером свадебный контракт подписать, — понятно, чтоб и невеста тут же была, — она сейчас же согласилась и дочку мне поручила.

Гарпагон. Видишь ли, Фрозина, мне пришлось позвать сегодня на ужин господина Ансельма, так вот хорошо бы заодно и Мариану угостить...

Фрозина. Это правда. После обеда она сделает визит вашей дочери, потом хотела побывать на ярмарке, а оттуда и на ужин.

Гарпагон. Так они вместе поедут — я могу ссудить им свою карету.

Фрозина. Вот и прекрасно.

Гарпагон. А насчет приданого, Фрозина, был у вас разговор с матерью? Ты ей сказала, что для такого случая она должна хоть что-нибудь придумать, хоть как-нибудь изловчиться, извернуться? Нельзя же, в самом деле, чтобы девушка так-таки ровно ни с чем замуж выходила!

Фрозина. Как — ни с чем? Да она вам принесет

двенадцать тысяч ливров годового дохода.

Гарпагон. Двенадцать тысяч ливров годового дохода?

Фрозина. Ну да. Во-первых, выращена и воспитана она в большой воздержанности: салат, молоко, сыр, яблоки — вот и вся ее пища, а разных там закусок да пирожных, всяких разносолов, как другие привыкли, для нее хоть бы и не было; стоит же все это немало — уж три тысячи франков в год кладите. Кроме того, она любит ходить опрятно, но без всякой роскоши, не надо ей ни платьев нарядных, ни уборов драгоценных, ни мебели великолепной, до чего все женщины такие охотницы, а ведь эта статья принесет вам более четырех тысяч ливров в год. Наконец, никакой игры она не выносит, а возьмите-ка нынешних барынь и барышень! Я знаю одну из здешних: в этом году двадцать тысяч проиграла. Но мы меньше положим, вчетверо меньше. Выходит, стало быть, пять тысяч франков на игру, четыре тысячи франков на наряды и уборы — это девять, да тысячу экю на стол… Двенадцать тысяч франков ровнехонько!

Гарпагон. Да, это, конечно, недурно, но существенного-то я здесь ничего не вижу.

Фрозина. Скажите на милость! Какую же вам

еще жену надо? Не щеголиха, не мотовка, не картежница — это все несущественно, по-вашему?

Гарпагон. Ты говоришь, что она на то-то и то-то не будет тратиться — и вот, мол, ее приданое. Да это насмешка, а не приданое. Не могу я выдать расписку в том, чего не получал; ты мне в руки дай, чтобы я чувствовал!

Фрозина. Господи, да вы почувствуете! Они мне еще говорили, что у них имение где-то есть — вам же достанется.

Гарпагон. Это надо проверить. И еще одно, Фрозина, меня беспокоит: Мариана молода, как ты знаешь, а молодежь льнет к молодежи. Боюсь я, не стар ли я для нее и не завела бы она у меня в доме новых порядков, от которых мне, пожалуй, плохо придется.

Фрозина. Ах, как мало вы ее знаете! Она и тут на других не похожа. Вот что я вам скажу: молодых людей она терпеть не может, а стариков обожает.

Гарпагон. Кто? Она?

Фрозина. Да-да. Послушали бы вы ее! На молокососов, говорит, и смотреть, говорит, мне противно, а уж как увижу старика с почтенной бородой — так сама не своя. Чем старее, тем для нее лучше, так что вы своих лет перед ней не

скрывайте. Ей подавай шестидесятилетнего. Четыре месяца назад совсем было уж замуж вышла, да жених сказал, что ему пятьдесят шесть, и контракт без очков стал подписывать — ну и расстроилось дело.

Гарпагон. Только из-за этого?

Фрозина. Только из-за этого. Мне, говорит, пятидесяти шести мало, да и что, говорит, за нос, когда на нем очков нет!

Гарпагон. Поди ж ты! Сколько на свете живу — в первый раз такое слышу.

Фрозина. Да это еще что! В комнате у нее висят картины и гравюры. Вы думаете небось: Адонисы да Кефалы, Парисы да Аполлоны? Нет-с, извините, прекрасные изображения Сатурна, царя Приама[12], престарелого Нестора[13], добродетельного Анхиза[14], спящего на плечах у своего сына.

Гарпагон. Поразительно! Вот уж никогда бы не подумал. Я очень рад, что у нее такой вкус. В самом деле, будь я женщина, я бы тоже не любил

---

[12] Примечания: 12

Приам — престарелый троянский царь.

[13] Примечания: 13

Нестор — старейший греческий царь, участник Троянской войны *(греч. миф.).*

[14] Примечания: 14

Анхиз — старец, отец троянского героя Энея *(греч. миф.).*

молокососов.

Фрозина. Понятно! А за что их любить-то, дрянь такую? Кто на них, на сопляков да на мотов, польстится? И чем, собственно, они могут нравиться, желала бы я знать?

Гарпагон. Я, по крайней мере, решительно этого не понимаю и удивляюсь, за что их женщины так любят.

Фрозина. Дуры, одно слово. Разве здравомыслящая девушка польстится на молодость? Все эти красавчики — да разве это мужчины? Что в них привлекательного?

Гарпагон. Я каждый день твержу то же самое. Петушиные голоса, кошачьи усики, парики из пакли, штаны чуть держатся, живот наружу…

Фрозина. Да, уж хороши, особенно как с вами сравнишь! Вот это мужчина, есть на что посмотреть! Вот как надо одеваться, чтобы понравиться!

Гарпагон. Так, по-твоему, я ничего?

Фрозина. Просто прелесть! На картину проситесь! Повернитесь, пожалуйста… Лучше не надо! Пройдитесь… Телосложение изящное, осанка молодецкая, движения свободные, и никаких болезней не заметно.

Гарпагон. Да я никаких особенных болезней,

слава Богу, и не знаю. По временам только одышка одолевает.

Фрозина. Это пустяки. Одышка вас не портит: когда вы кашляете, так оно даже как-то мило выходит.

Гарпагон. Скажи ты мне вот что: Мариана никогда не видела меня? Хоть мельком?

Фрозина. Никогда. Но мы много говорили с ней о вас. Я уж как следует расписала и на все лады расхвалила: такого, мол, мужа днем с огнем поискать.

Гарпагон. Умница! Спасибо тебе.

Фрозина. У меня к вам, сударь, небольшая просьба. Я веду тяжбу и могу проиграть ее — деньжонок не хватает.

Гарпагон хмурится.

Я бы ее легко выиграла, если б только вы были так добры… Вы не поверите, как она рада будет вас видеть!

Гарпагон снова принимает веселый вид.

Ах, как вы ей понравитесь! Ваши старомодные брыжи произведут на нее неотразимое впечатление. А про штаны, привязанные шнурками к камзолу, и говорить нечего: она с ума сойдет от восторга. Жених в штанах со шнурками! Да она будет на седьмом небе!

Гарпагон. Отрадно слышать.

Фрозина. Так вот, сударь, эта тяжба очень для меня важна.

Гарпагон хмурится.

Если проиграю — вконец разорюсь, а не бог весть сколько мне и нужно-то… Если б вы видели, с каким восторгом она меня слушала, когда я говорила о вас!

Гарпагон снова принимает веселый вид.

Глазки так и сверкали, а уж я-то старалась!.. И довела ее наконец до того, что сейчас, говорит, хочу за него замуж, сию минуту!

Гарпагон. Разодолжила ты меня, Фрозина! Так разодолжила, что не знаю, чем и отблагодарить тебя.

Фрозина. Так вот вы, сударь, мне и помогите.

Гарпагон хмурится.

Тогда я поправлюсь и век буду за вас Бога молить.

Гарпагон. Прощай! Мне нужно дописать письма.

Фрозина. Клянусь вам, сударь, что вы меня выручили бы из большой беды.

Гарпагон. Я велю заложить карету, чтобы везти вас на ярмарку.

Фрозина. Если б не крайность, я бы не доку-

чала вам.

Гарпагон. А ужин закажу пораньше — на ночь есть вредно.

Фрозина. Не откажите, будьте благодетелем!.. Ах, сударь! Если б вы знали, какая радость…

Гарпагон. Мне надо идти. Меня зовут. До скорого свидания! *(Уходит.)*

Фрозина *(одна). А,* чтоб тебя, старый пес! Ничем не проймешь его, скареда. Ну да я этого дела не оставлю. Не с этого, так с другого конца, а уж я свое возьму!

Действие третье

Явление первое

Гарпагон, Клеант, Элиза, Валер, Клод, Жак, Брендавуан, Ламерлуш.

Гарпагон. Ну, все сюда! Я вам отдам приказания на сегодня и распределю обязанности. Подойди, Клод! Начнем с тебя.

В руках у Клод половая щетка.

Ты уже во всеоружии, это хорошо. Твое дело — позаботиться, чтобы везде было чисто, но как можно осторожнее обращайся с мебелью, не три ее очень — испортишь. Кроме того, во время ужина ты должна смотреть за бутылками: пропадет ли какая, разобьется ли — ты жалованьем своим отвечаешь.

Жак *(про себя).* Хитро придумано.

Гарпагон *(к Клод).* Ступай.

Клод уходит.

Явление второе

Гарпагон, Клеант, Элиза, Валер, Жак, Брендавуан, Ламерлуш.

Гарпагон. Брендавуан и Ламерлуш! Вы будете полоскать рюмки и подавать вино, но только в случае надобности; не берите примера с тех болванов слуг, которые сами навязываются, когда иной, может быть, и думать забыл о вине. Ждите, пока попросит раз-другой, да чтоб воды побольше на столе было.

Жак *(про себя).* Ну еще бы! С чистого-то вина сразу охмелеешь.

Ламерлуш. Кафтаны снять, сударь?

Гарпагон. Да, когда начнут съезжаться гости, но смотрите, не запачкайте платья.

Брендавуан. Вам известно, сударь, что у меня на камзоле спереди жирное пятно.

Ламерлуш. А у меня, сударь, сзади штаны разорваны, так что, извините за выражение, видна…

Гарпагон. Довольно! Поворачивайся к гостям больше передом, а задом к стене. *(Брендавуану, показывая, как нужно держать шляпу, чтобы прикрыть пятно.)* А ты, когда будешь прислуживать, держи шляпу вот так.

Брендавуан и Ламерлуш уходят.

Явление третье

Гарпагон, Клеант, Элиза, Валер, Жак.

Гарпагон. Ты, Элиза, наблюдай за тем, как будут убирать со стола — чтобы все цело было. Это как раз занятие для девушки. А пока что приготовься достойно принять мою невесту и поезжай с ней на ярмарку. Слышишь, что я говорю?

Элиза. Слышу, батюшка. *(Уходит.)*

Явление четвертое

Гарпагон, Клеант, Валер, Жак.

Гарпагон. А ты, сынок, бесценный, — я простил тебе сегодняшний случай, так ты и подавно не вздумай встретить ее с кислой миной.

Клеант. С кислой миной? Да из-за чего?

Гарпагон. Боже ты мой! Известно, как ведут себя дети, когда их отцы вторично женятся, и как они смотрят на свою мачеху. Если ты хочешь, чтобы я забыл твою выходку, то изволь быть как можно любезнее и предупредительнее.

Клеант. Откровенно говоря, батюшка, я вовсе не рад тому, что она будет моей мачехой, что ж мне вас обманывать! А что касается любезности и предупредительности, то это я вам обещаю.

Гарпагон. Да уж, постарайся.

Клеант. Останетесь довольны.

Гарпагон. Ну и хорошо.

Клеант уходит.

Явление пятое

Гарпагон, Валер, Жак.

Гарпагон. Ты мне нужен, Валер. Поди-ка сюда, Жак, теперь и до тебя очередь дошла.

Жак. С кем вы желаете говорить, сударь: с кучером или с поваром? Я ведь у вас и то и другое.

Гарпагон. И с тем и с другим.

Жак. А с кем сначала?

Гарпагон. С поваром.

Жак. Сию минуту. *(Снимает кучерской кафтан и остается в одежде повара.)*

Гарпагон. На кой черт это переодевание?

Жак. Что прикажете?

Гарпагон. Сегодня, Жак, у меня будет ужин.

Жак *(про себя).* Что за чудеса!

Гарпагон. Можешь расстараться?

Жак. За хорошие деньги.

Гарпагон. Провались ты! Опять деньги! Только и слышишь от них: «Деньги! Деньги! Деньги!» Привязались: давай им денег. Все о деньгах! Ни шагу без денег!

Валер. Глупее этого ответа я ничего не слыхал. Эко диво — приготовить хороший ужин за хорошие деньги! Это легче легкого, так-то всякий

дурак справится. Нет, уж коли ты мастер своего дела, так давай говорить о хорошем ужине, но подешевле.

Жак. О хорошем ужине, но подешевле?

Валер. Да.

Жак. Сделайте милость, господин дворецкий, откройте нам секрет. Возьмите уж на себя и мои обязанности, благо вы здесь все в свои руки забрали.

Гарпагон. Перестань! Так что же тебе требуется?

Жак. Да вот, дворецкий приготовит вам хороший ужин подешевле.

Гарпагон. Я спрашиваю не его, а тебя.

Жак. На сколько персон?

Гарпагон. Будет человек восемь — десять, но готовить надо не больше, как на восемь. Где сыты восемь, там сыты и десять.

Валер. Понятно.

Жак. Ну, стало быть, четыре перемены. Пять сортов закусок, суп, заливное…

Гарпагон. Да ты что, черт тебя побери, намерен целый город накормить?

Жак. Жаркое…

Гарпагон *(зажимает ему рот).* Изверг! Хочешь по миру меня пустить?

Жак. Еще одно легкое блюдо…

Гарпагон. Еще что?

Валер *(Жаку).* Да что ты, в самом деле закормить всех хочешь? Гостей-то разве наш господин на убой созвал? Почитай-ка правила здоровья да спроси врачей: что может быть вреднее обжорства?

Гарпагон. Так, так!

Валер. Заруби у себя на носу, любезный, и всей своей родне внуши, что кто подает у себя за столом много мяса, тот прямой душегуб; если хозяин любит своих гостей, он должен соблюдать умеренность. Есть даже такое древнее изречение: мы для того едим, чтобы жить, а не для того живем, чтобы есть.

Гарпагон. Отлично сказано! Подойди, я тебя поцелую. Отроду ничего умнее не слыхал: мы для того живем, чтобы есть, а не для того едим… Нет, что-то не то. Как бишь ты сказал?

Валер. Мы для того едим, чтобы жить, а не для того живем, чтобы есть.

Гарпагон *(Жаку).* Вот. Слыхал? *(Валеру.)* Какой великий человек изрек это?

Валер. Забыл.

Гарпагон. Напомни мне записать эти слова. Я прикажу золотыми буквами вырезать их над

камином в зале.

Валер. Непременно. А насчет ужина позвольте распорядиться мне — я все устрою в лучшем виде.

Гарпагон. Устраивай.

Жак. Вот и прекрасно. Меньше забот.

Гарпагон *(Валеру).* Нужно что-нибудь такое, чего много не съешь: рагу из барашка, например, пожирнее, паштет с каштанами…

Валер. Положитесь на меня.

Гарпагон. Затем, Жак, нужно почистить карету.

Жак. Простите. Это уже относится к кучеру. *(Надевает кучерской кафтан.)* Так вы изволили сказать…

Гарпагон. Нужно почистить карету и заложить лошадей — поедешь на ярмарку.

Жак. Лошадей, сударь? Да они с места не сдвинутся. Не стану лгать: они валяются не на подстилке — подстилки у бедных животных никакой нет. А постятся они у вас так, что и на лошадей не похожи — одна тень от них осталась.

Гарпагон. Ах, бедненькие! Да им же ничего не приходится делать!

Жак. Можно и ничего не делать, сударь, а есть-то все-таки надо? Да они, бедняги, на какую

угодно работу пойдут, лишь бы сытыми быть. Сердце надрывается глядеть, как они тощают. Я ведь люблю лошадок, мне за них больно. Каким жестоким человеком надо быть, сударь, чтобы не жалеть ближних!

Гарпагон. Довезти до ярмарки — не бог весть какой труд.

Жак. Нет, сударь, у меня и духу на это не хватит. Понадобится стегнуть — рука не поднимется. Как вы хотите, чтобы они сволокли карету, когда они сами ног не волочат?

Валер. Я попрошу, сударь, соседа Пикара сесть за кучера, а Жак пусть остается и готовит ужин.

Жак. Ладно. Подохнут, так, по крайней мере, не из-за меня.

Валер. Уж больно ты умничаешь, Жак.

Жак. Уж очень ты подлизываешься, дворецкий!

Гарпагон. Молчать!

Жак. Я не выношу льстецов, сударь. Я же его насквозь вижу: вечно усчитывает хлеб, вино, дрова, соль, свечи, и все это для того только, чтобы к вам подмазаться и подольститься. Меня это бесит. А послушать, что о вас говорят каждый день, — право, досада возьмет. Как-никак я же вас люблю после лошадей больше всех на свете.

Гарпагон. А нельзя ли узнать, Жак, что обо мне говорят?

Жак. Можно, сударь, если б только я был уверен, что вы не рассердитесь.

Гарпагон. Нисколько не рассержусь.

Жак. Ох, рассердитесь! Непременно рассердитесь!

Гарпагон. Да нет же! Напротив, это доставит мне удовольствие, мне очень любопытно это знать.

Жак. Раз уж вы сами желаете, сударь, так я вам должен сказать по чистой совести, что над вами везде смеются, всячески на ваш счет прохаживаются, перемывают вам все косточки — рассказов про вашу скаредность не оберешься. Одни говорят, что вы заказали особые календари, где постных дней вдвое больше, чем надо, — это для того, чтобы ваша прислуга почаще постилась; другие — что у вас прислуга никогда не получает ни подарков к праздникам, ни жалованья при расчете, потому что вы всегда сыщете, к чему придраться. Один рассказывает, что как-то вы притянули к суду соседскую кошку за то, что она съела у вас остатки баранины; другой — что раз ночью вас накрыли, как вы у своих же лошадей овес воровали, и что кучер, который до меня был,

отдул вас палкой в темноте, только вы промолчали об этом. Словом сказать, вас на все корки отделывают, куда ни сунься. Вы — посмешище всего города, на каждом перекрестке клянут вас, и нет вам иных имен, как скряга, сквалыга и скупердяй.

Гарпагон *(бьет его).* А ты дурак, негодяй, мошенник и нахал!

Жак. Ну вот, разве я был не прав? А вы мне не верили. Я же вас предупреждал, что вы рассердитесь, если я вам правду скажу.

Гарпагон. А ты сначала выучись разговаривать со мной! *(Уходит.)*

Явление шестое

Валер, Жак.

Валер *(смеясь).* Насколько я могу судить, Жак, тебе плохо платят за твое прямодушие.

Жак. Не твое дело, выскочка! Напустил на себя важность! Смейся, когда тебя самого поколотят, а надо мной смеяться нечего.

Валер. Не сердитесь, многоуважаемый!

Жак *(про себя).* Ага! Поджал хвост! Нагоню-ка я на него страху! Если он будет так глуп, что испугается меня, то и бока намну. *(Громко.)* Советую вам помнить, господин зубоскал, что я зубоскалить с вами не намерен, а выведете меня из терпения, так я заставлю вас иначе зубы скалить. *(Грозит Валеру и загоняет его в глубину сцены.)*

Валер. Ну-ну потише!

Жак. Да что там потише! Я не хочу потише!

Валер. Ну, пожалуйста!

Жак. Невежа, вот ты кто!

Валер. Господин Жак!..

Жак. Я тебе дам «господин Жак»! Вот как возьму палку, так всю важность из тебя повыколочу.

Валер. Что? Палку? *(Наступает на Жака.)*

Жак. Да я ничего…

Валер. Советую помнить вам, господин Жак, что я еще лучше могу вас оттузить!

Жак. Не смею спорить.

Валер. Жалкий поваришка!

Жак. Конечно, конечно!

Валер. Ты еще меня узнаешь.

Жак. Прошу прощенья!

Валер. Ну? Что ж ты меня не бьешь?

Жак. Да это я пошутил!

Валер. Мне твои шутки не нравятся. *(Бьет его палкой.)* Плохой ты шутник, так и знай! *(Уходит.)*

Жак *(один).* Вот я и поплатился за свое прямодушие! Невыгодное это занятие — говорить правду, зарекаюсь. Хозяин прибьет — куда ни шло, но дворецкий… Погоди, я тебе отплачу!

Явление седьмое

Жак, Мариана, Фрозина.

Фрозина. Ты не знаешь, Жак, хозяин дома?

Жак. Дома, дома. Кому-кому а мне-то это хорошо известно.

Фрозина. Так скажи ему, пожалуйста, что мы здесь.

Жак уходит.

Явление восьмое

Мариана, Фрозина.

Мариана. Ах, Фрозина, какое странное чувство я испытываю! Я так боюсь того, что меня ожидает!

Фрозина. Да отчего же? Что ж тут такого?

Мариана. И ты еще спрашиваешь! Представь себя на моем месте: ведь я все равно что на казнь иду.

Фрозина. Я вижу ясно, что от такой казни, как Гарпагон, умереть вам не очень-то приятно. И еще я знаю, что молодчик, о котором вы мне говорили, не выходит у вас из головы, меня не обманешь.

Мариана. Я и не собираюсь обманывать тебя, Фрозина. Он так прекрасно держал себя, когда бывал у нас, что, сознаюсь, я не могла остаться к нему равнодушной.

Фрозина. Да вы знаете, кто он такой?

Мариана. Нет. Знаю только, что полюбить его нетрудно. Если б мне позволили выбирать, конечно, я бы не задумалась, но меня принуждают выйти за другого, и это для меня пытка.

Фрозина. Да уж, эти молодчики умеют вкрасть-

ся в душу, разливаются соловьем, но ведь почти каждый из них гол как сокол, а вам прямой расчет выйти хоть за старого, да за богатого. Конечно, о любви тут не может быть и речи, жить с таким мужем — радость не велика. Да ведь это ненадолго. Поверьте, жить ему немного осталось, и тогда выбирайте любого: он вас за все вознаградит.

Мариана. Бог с тобой, Фрозина! Думать о счастье — и желать или ожидать чужой смерти! И когда еще он умрет!

Фрозина. Вона! Да вы с тем за него и выходите, чтобы как можно скорей овдоветь, об этом следует и в контракте упомянуть. Свинья он будет, если через три месяца не помрет. А вот и он.

Мариана. Ах, Фрозина, какой урод!

Явление девятое

Те же и Гарпагон.

Гарпагон *(Мариане).* Не прогневайтесь, красавица, что принимаю вас в очках. Я знаю, что ваши прелести бросаются в глаза, их нельзя не увидать, никаких увеличительных стекол для них не надо, но ведь на звезды мы смотрим в увеличительные стекла, а я утверждаю и удостоверяю, что вы — звезда, да еще какая! Самая что ни на есть прекрасная... Фрозина! Она молчит и как будто не рада, что видит меня.

Фрозина. Она еще не оправилась от смущения. Девушки стыдятся сразу показывать, что у них на сердце.

Гарпагон. Это верно. *(Мариане.)* Вот, милое дитя, позвольте вам представить мою дочь.

Явление десятое

Те же и Элиза.

Мариана. Простите, сударыня, что я так поздно выбралась к вам.

Элиза. А вы меня простите, что я вас не опередила — это была моя обязанность.

Гарпагон. Видите, какая она у меня большая! Дурная трава в рост идет.

Мариана *(Фрозине, тихо).* Какой противный!

Гарпагон *(Фрозине).* Что наша красавица говорит?

Фрозина. Она в восторге от вас.

Гарпагон. Слишком много чести, очарователь-ница.

Мариана *(про себя).* Отвратительное существо!

Гарпагон. Я вам несказанно благодарен за ваше лестное мнение обо мне.

Мариана *(про себя).* Нет сил терпеть!

Явление одиннадцатое

Те же, Клеант, Валер и Брендавуан.

Гарпагон. А это мой сын, пришел засвидетельствовать вам свое почтение.

Мариана *(Фрозине, тихо).* Ах, Фрозина, какая встреча! Ведь это я о нем тебе говорила!

Фрозина *(Мариане, тихо).* Вот так случай!

Гарпагон. Вы, я вижу, удивлены, что у меня такие взрослые дети, но я скоро от них обоих отделаюсь.

Клеант *(Мариане).* По правде говоря, сударыня, я не ожидал ничего подобного. Батюшка привел меня в немалое изумление, когда объявил о своем намерении.

Мариана. Я могу сказать вам то же самое. Эта неожиданная встреча удивила меня не меньше, чем вас, — я совсем не была подготовлена.

Клеант. Само собой разумеется, сударыня, лучшего выбора батюшка сделать не мог; видеть вас — это большое счастье для меня, но я не стану уверять, будто я мечтаю о том, чтобы вы были моей мачехой. Я не умею говорить любезности и сознаюсь откровенно, что не хотел бы вас так называть. Кое-кому, пожалуй, мои слова пока-

жутся грубыми, но вы — я убежден — поймете их как должно. Вам нетрудно представить себе, что я теперь испытываю; зная меня, вы поймете, что радоваться мне тут нечему, и я считаю своей обязанностью, с позволения батюшки, объявить вам, что, если бы моя воля, не бывать бы этому браку никогда!

Гарпагон. Отличился! Наговорил любезностей!

Мариана. Я вам отвечу тем же: как вы не хотите называть меня мачехой, так и я, конечно, не хочу называть вас пасынком. Пожалуйста, не считайте меня виновницей вашего огорчения. Я никогда не решилась бы по своей воле причинить вам какую-нибудь неприятность. Даю вам слово, что — не будь надо мною власти — я бы никогда не огорчила вас этим браком.

Гарпагон. Разумно! На дурацкую речь и ответ должен быть такой же. Не взыщите с него, грубияна, красавица: по молодости и по глупости он сам не знает, что говорит.

Мариана. Я нисколько не обижена, уверяю вас. Напротив, я очень благодарна ему за откровенность, я довольна его признанием. Если бы он говорил иначе, я бы его не уважала.

Гарпагон. Вы чересчур снисходительны к нему.

Со временем, однако, он поумнеет, и чувства у него изменятся.

Клеант. Нет, батюшка, я никогда не изменюсь, — прошу вас, сударыня, мне верить.

Гарпагон. Какое сумасбродство! Продолжает стоять на своем!

Клеант. А вам угодно, чтобы я кривил душой?

Гарпагон. Он все свое! Нельзя ли о чем-нибудь другом?

Клеант. Хорошо. О другом так о другом. Позвольте мне, сударыня, заменить батюшку и высказать вам, что в жизни я не встречал никого прелестнее вас, что нет для меня высшего счастья, как нравиться вам, и что назваться вашим мужем — такая честь, такое блаженство, которые я не променял бы на жребий величайшего из земных царей. Да, сударыня, обладать вами — заветная мечта моя, предел моей гордости. Всем бы я пожертвовал ради такой победы, ни перед чем бы не остановился…

Гарпагон. Полегче, брат, не увлекайся!

Клеант. Это я говорю от вашего имени.

Гарпагон. У меня у самого, слава богу, язык есть, поверенных мне не надо… Дайте-ка нам кресла!

Фрозина. А не лучше ли нам на ярмарку отправиться? Пораньше бы вернулись — и побе-

седовать время осталось бы.

Гарпагон *(Брендавуану).* Карету заложить!

Брендавуан уходит.

Явление двенадцатое

Мариана, Фрозина, Гарпагон, Элиза, Клеант, Валер.

Гарпагон *(Мариане).* Простите, красавица, что я позабыл угостить вас чем-нибудь перед прогулкой.

Клеант. Я уж об этом позаботился, батюшка: сейчас должны принести мандаринов, апельсинов и варенья — я распорядился от вашего имени.

Гарпагон *(тихо).* Валер!

Валер *(тихо).* Он с ума сошел!

Клеант. Вы полагаете, батюшка, что этого будет мало? В таком случае прошу извинения у нашей гостьи.

Мариана. Мне никакого угощения не надо.

Клеант. Случалось ли вам, сударыня, видеть такой дивный брильянт, как вот у батюшки на перстне?

Мариана. Какой он яркий!

Клеант *(снимает перстень с пальца Гарпагона и протягивает его Мариане).* Посмотрите получше.

Мариана. Чудный брильянт! Как он сверкает!

(Хочет возвратить перстень.)

Клеант *(загораживает ей дорогу).* Нет-нет, сударыня, он еще ярче заиграет на вашей прелестной ручке. Батюшка вам его дарит.

Гарпагон. Я? Дарю?

Клеант. Ведь правда, батюшка, вы желаете, чтобы Мариана приняла от вас этот перстень как залог вашей любви?

Гарпагон *(Клеанту, тихо).* Это еще что такое?

Клеант *(Мариане).* Да что я спрашиваю? Видите, он делает мне знаки, чтобы я уговорил вас.

Мариана. Я ни за что…

Клеант. Полноте! Назад он не возьмет.

Гарпагон *(про себя).* Что мне с ним делать?

Мариана. Это было бы…

Клеант *(не дает вернуть перстень).* Нет-нет, вы его обидите.

Мариана. Пожалуйста!

Клеант. Ни в коем случае!

Гарпагон *(Клеанту, тихо).* А, чтоб тебя!

Клеант. Видите? Видите? Это его ваш отказ так огорчил.

Гарпагон *(Клеанту, тихо).* Злодей!

Клеант *(Мариане).* Он в отчаянии.

Гарпагон *(Клеанту, тихо, с угрозой).* Кровопийца!

Клеант. Из-за вас, сударыня, батюшка бранит меня.

Гарпагон *(Клеанту, тихо, грозя ему).* Грабитель!

Клеант *(Мариане).* Он захворает. Не отказывайтесь, сударыня!

Фрозина *(Мариане).* Да что вы ломаетесь! Возьмите, коли уж так просят.

Мариана *(Гарпагону).* Чтобы вас не сердить, я оставлю перстень у себя — до той поры, когда можно будет возвратить его.

Явление тринадцатое

Те же и Брендавуан.

Брендавуан *(Гарпагону).* Какой-то человек, сударь, спрашивает вас.

Гарпагон. Скажи, что я занят; пусть в другой раз зайдет.

Брендавуан. Он говорит, что принес вам деньги. *(Уходит.)*

Явление четырнадцатое

Мариана, Фрозина, Гарпагон, Элиза, Клеант, Валер.

Гарпагон *(Мариане).* Прошу меня извинить. Я сейчас вернусь.

Явление пятнадцатое

Те же и Ламерлуш.

Ламерлуш *(вбегает и сбивает с ног Гарпагона).* Сударь!..

Гарпагон. Смерть моя!

Клеант. Что, батюшка, вы не ушиблись?

Гарпагон. Этот злодей, наверно, подкуплен моими должниками, чтобы шею мне сломать.

Валер *(Гарпагону).* Успокойтесь!

Ламерлуш. Простите, сударь, я думал вам угодить…

Гарпагон. Что тебе нужно, разбойник?

Ламерлуш. Обе лошади расковались.

Гарпагон. Так пусть отведут их к кузнецу.

Клеант. А пока, батюшка, я возьму на себя роль хозяина, провожу Мариану в сад и туда же велю подать лакомства.

Все, кроме Гарпагона и Валера, уходят.

Явление шестнадцатое

Гарпагон, Валер.

Гарпагон. Валер! Присмотри за тем, как он будет угощать, спаси, что только можно, и отошли обратно купцу Валер. Будет исполнено. *(Уходит.)* Гарпагон *(один).* Чадушко! Разорить меня задумал?

Действие четвертое

Явление первое

Клеант, Элиза, Мариана, Фрозина.

Клеант. Войдемте сюда, здесь гораздо лучше: никто нас не станет подслушивать, мы можем говорить свободно.

Элиза. Да, Мариана, брат мне во всем признался. Я знаю, какие неприятности и огорчения чинят такого рода помехи, и, поверьте, принимаю искреннее участие в вашем деле.

Мариана. Ваше участие — великое для меня утешение. Я так несчастна, Элиза, не отнимайте же у меня вашей дружбы!

Фрозина. Бедные вы мои детки! Что же вы мне раньше не сказали? Я бы все повернула иначе — не на горе вам, а на радость.

Клеант. Что поделаешь! Такова уж, видно, судьба моя. На что же вы решаетесь, прелестная Мариана?

Мариана. Ах, мне ли на что-нибудь решаться? В моем зависимом положении я могу только желать.

Клеант. Желать — и ничего больше? И ничем не помочь мне? Ничем не выразить сочувствия, не проявить доброты, ничем не доказать свою

любовь?

Мариана. Что мне вам на это сказать? Поставьте себя на мое место и рассудите, что я могу сделать. Придумывайте, приказывайте — я на все согласна. Надеюсь, вы будете благоразумны и ничего нескромного, неблагопристойного не потребуете от меня?

Клеант. Покорно благодарю! Придумывай, приказывай да еще заботься о том, чтобы не нарушить ни скромности, ни благопристойности!

Мариана. Как же мне быть? Положим, я бы пренебрегла многим из того, к чему обязывает наша девичья честь, но ведь у меня есть и обязанности дочери. Матушка так любит меня, что я ни за какие блага не решусь ее опечалить. Приложите все усилия, чтобы заслужить ее расположение. Я позволяю вам сказать ей все, вообще действуйте, как найдете нужным, а когда она спросит меня, тут уж я, конечно, таиться от нее не стану.

Клеант. Фрозина, голубушка Фрозина! Ты нам поможешь?

Фрозина. Про это и спрашивать нечего: я всей душой готова помочь. По природе-то я жалостлива, сердце у меня не каменное, я всегда рада услужить, когда вижу такую любовь — честную, благородную. Что бы такое предпринять?

Клеант. Подумай хорошенько!

Мариана. Научи нас!

Элиза. Распутай все, что сама напутала.

Фрозина. Трудновато. *(Мариане.)* Матушку-то вашу, я думаю, можно будет уговорить: отец ли, сын ли — ей все равно. *(Клеанту.)* Да беда в том, что отец-то этот — ваш отец.

Клеант. Ты права.

Фрозина. Я хочу сказать, что, если ему откажут, он с досады и против вашего брака упрется. Не лучше ли будет устроить так, чтобы он сам отказался? *(Мариане.)* А для этого надо, чтобы вы ему перестали нравиться.

Клеант. Верно!

Фрозина. Сама знаю, что верно. Мысль хорошая, а вот как ее, черт возьми, осуществить?.. Постойте! Найти бы женщину в летах да половчее, вроде меня, мы бы ей имя почуднее придумали, свитой бы ее снабдили, и пусть бы она знатную даму разыграла, маркизу там какую-нибудь либо виконтессу, из Нижней Бретани, что ли. Я бы уж сумела уверить вашего родителя, что она пребогатая — сто тысяч капиталу имеет, не считая домов; без памяти влюблена в него, желает выйти за него замуж и все свое состояние готова ему по брачному контракту отписать.

Будьте уверены, он этого мимо ушей не пропустит. *(Мариане.)* Любить-то он вас любит, что и говорить, но денежки любит чуточку побольше. А когда он поймается на эту удочку да согласится на ваш брак, там нам и горя мало, пусть разделывается со своей маркизой как знает.

Клеант. Отлично придумано.

Фрозина. Я сама все оборудую. Я вспомнила одну свою приятельницу — она как раз для этой роли хороша.

Клеант. Отблагодарю же я тебя, Фрозина, если только наше дело выгорит! А тем временем, Мариана, нужно все-таки воздействовать на вашу матушку. Только бы нам этот брак расстроить! Напрягите все силы, играйте на ее любви к вам, воспользуйтесь неотразимым очарованием ваших взоров и ваших речей, расточайте нежные слова, умоляйте ее, ласкайтесь — и я убежден, что она не устоит.

Мариана. Я сделаю все, что смогу, ничего не забуду.

Явление второе

Те же и Гарпагон.

Гарпагон *(никем не замеченный, про себя).* Э, мой сын целует руку у будущей мачехи, а будущая мачеха не очень-то противится! Нет ли тут какого подвоха?

Элиза. А вот и батюшка!

Гарпагон. Карета готова. Если угодно, можете ехать.

Клеант. Раз вы не едете, батюшка, то я их провожу.

Гарпагон. Нет, останься. Они без тебя обойдутся, а мне ты нужен.

Элиза, Мариана и Фрозина уходят.

Явление третье

Клеант, Гарпагон.

Гарпагон. Ну так вот, если забыть о том, что она твоя будущая мачеха, как ты ее находишь?

Клеант. Как я ее нахожу?

Гарпагон. Да, каково ее обращение, сложение, наружность, ум?

Клеант. Так себе.

Гарпагон. Только-то?

Клеант. Откровенно говоря, я воображал ее не такой. Обращение у нее жеманное, сложение неуклюжее, наружность весьма посредственная, ум самый заурядный. Не думайте, батюшка, что я хочу расхолодить вас: она ли, другая будет мне мачехой — мне это решительно все равно.

Гарпагон. Давеча ты говорил ей, однако…

Клеант. Говорил пустые любезности от вашего имени и вам в угоду.

Гарпагон. Так что у тебя нет никакого влечения к ней?

Клеант. У меня? Ни малейшего.

Гарпагон. Досадно! А мне пришла было в голову хорошая мысль. Смотря на нее, я поразмыслил о своем возрасте и подумал: что скажут люди, ес-

ли я женюсь на молоденькой? И я решил бросить эту затею, а так как я уже сделал ей предложение и связан с ней словом, то, если бы она не была тебе противна, уступил бы ее тебе.

Клеант. Мне?

Гарпагон. Тебе.

Клеант. В жены?

Гарпагон. В жены.

Клеант. Послушайте… Это верно, что она мне не очень по вкусу, но, чтобы доставить вам удовольствие, батюшка, я на ней женюсь, если вам угодно.

Гарпагон. Я гораздо благоразумнее, чем ты полагаешь, приневоливать тебя я вовсе не намерен.

Клеант. Я сам себя готов приневолить — из любви к вам.

Гарпагон. Нет-нет. Где нет влечения, там нет и счастья.

Клеант. Влечение может явиться потом, батюшка. Недаром говорят: стерпится — слюбится.

Гарпагон. Нет, мужчина не должен действовать очертя голову: последствия могут быть очень прискорбные, брать на себя ответственность за них я не хочу. Если бы ты чувствовал к ней хоть какую-нибудь склонность — в добрый

час: я женил бы тебя на ней вместо себя, но раз этого нет — я остаюсь при своем первоначальном намерении и женюсь на ней сам.

Клеант. Ну, если так, батюшка, то я не стану перед вами таиться: узнайте всю правду. Я люблю ее с того дня, как увидел на прогулке. Тогда же я хотел просить вашего благословения и только потому воздержался, что узнал о вашем намерении и побоялся прогневить вас.

Гарпагон. Ты был у нее?

Клеант. Да, батюшка.

Гарпагон. И не один раз?

Клеант. Не один.

Гарпагон. И хорошо тебя принимали?

Клеант. Очень хорошо, но они не знали, кто я такой, оттого-то Мариана и растерялась, когда увидела меня здесь.

Гарпагон. Ты с ней объяснился и просил ее руки?

Клеант. Конечно. Я даже и матери намекнул.

Гарпагон. Как же она к этому отнеслась?

Клеант. Весьма любезно.

Гарпагон. А дочка отвечает тебе взаимностью?

Клеант. Судя по некоторым признакам, можно думать, батюшка, что я ей не противен.

Гарпагон *(про себя).* Прекрасно! Я только этого

и добивался. *(Громко.)* Ну-с, так вот что я тебе скажу, сынок: ты должен об этой любви забыть, оставить в покое мою невесту и в ближайшее время жениться на той, кого я для тебя предназначил.

Клеант. Ловкую вы со мной сыграли штуку, батюшка! Так знайте же и вы, коли на то пошло, что от Марианы я никогда не откажусь и вам ее ни за что не уступлю; вы заручились согласием ее матери, а я, быть может, другие пути найду.

Гарпагон. Как, бездельник! Ты смеешь со мной соперничать?

Клеант. Это вы со мной соперничаете! Я раньше вас с ней познакомился.

Гарпагон. Я твой отец, ты обязан почитать меня.

Клеант. В таком деле что отец, что сын — все равно: любовь ничего этого знать не хочет.

Гарпагон. А вот я возьму палку, так ты узнаешь!

Клеант. Напрасны все ваши угрозы.

Гарпагон. Ты откажешься от Марианы?

Клеант. Ни за что на свете!

Гарпагон. Палку мне! Палку!

Явление четвертое

Те же и Жак.

Жак. Э! Э! Что такое, господа? Что это вы задумали?

Клеант. А мне наплевать!

Жак *(Клеанту).* Полегче, сударь!

Гарпагон. Я выучу тебя, нахал, как разговаривать со мной!

Жак *(Гарпагону).* Сударь! Ради Бога!

Клеант. Я от своего не отступлюсь!

Жак *(Клеанту).* На родного-то отца!

Гарпагон. Пусти меня!

Жак *(Гарпагону).* На родного-то сына? Ведь это вам не я!

Гарпагон. Жак! Рассуди, кто из нас прав.

Жак. Извольте. *(Клеанту.)* Отойдите в сторону.

Гарпагон. Я люблю одну девушку и хочу на ней жениться, а этот висельник имел наглость тоже ее полюбить и тоже хочет на ней жениться, несмотря на то что я ему запрещаю. Какова наглость?

Жак. Нет, он не прав.

Гарпагон. Какой ужас! Сын затеял соперничество с отцом! Он из уважения ко мне должен

отказаться от всяких посягательств.

Жак. Вы правы. Постойте здесь, я с ним поговорю. *(Подходит к Клеанту.)*

Клеант. Если уж он выбрал тебя судьей, пусть будет так, мне все равно — ты ли, другой ли. Суди нас, Жак, я готов.

Жак. Вы мне оказываете большую честь.

Клеант. Я влюблен в одну девушку; она мне отвечает взаимностью и охотно принимает мое предложение, а батюшке пришло в голову разлучить нас и жениться на ней самому.

Жак. Понятно, он не прав.

Клеант. Не стыдно ли в его годы думать о женитьбе? Пристало ли ему влюбляться? Пусть предоставит это тем, кто помоложе.

Жак. Вы правы. Он пошутил. Дайте мне сказать ему пару слов. *(Гарпагону.)* Ну, ваш сын совсем не такой уж сумасброд, он одумался. Вот что он мне сказал: я, говорит, сознаю, что обязан уважать батюшку, я, говорит, просто погорячился и готов исполнить его волю, лишь бы он, говорит, стал со мной поласковей и выбрал мне невесту по моему вкусу.

Гарпагон. А! Так ты скажи ему, Жак, что при таких условиях он может на меня надеяться. Кроме Марианы, я разрешаю ему жениться, на

ком он хочет.

Жак. Погодите. *(Клеанту.)* Ну, ваш батюшка совсем уж не так безрассуден. Он меня уверил, что его рассердила ваша горячность, но что у него и в мыслях не было идти вам наперекор: я, говорит, согласен на все, чего бы он ни пожелал, лишь бы он, говорит, не бесновался, а выказал уступчивость, сыновнюю покорность и уважение.

Клеант. А, так и ты уверь его, Жак, что если он отдаст мне Мариану то увидит во мне самого покорного сына, и уж тогда я из его воли ни в чем не выйду.

Жак *(Гарпагону).* Конец делу. Он на все согласен.

Гарпагон. Так-то лучше.

Жак *(Клеанту).* Наша взяла. Он удовлетворен.

Клеант. Слава Богу!

Жак. Можете продолжать беседу господа. Теперь у вас пошло дело на лад, да и поссорились вы только оттого, что один другого не понял.

Клеант. Жак, голубчик! Я тебе всю жизнь буду благодарен.

Жак. Не за что, сударь.

Гарпагон. Ты меня порадовал, Жак, и заслужил награду. *(Шарит в кармане. Жак протягивает руку, но Гарпагон вынимает носовой платок.)*

Ступай! Я этого не забуду, можешь быть уверен.

Жак. Низко вам кланяюсь. *(Уходит.)*

Явление пятое

Клеант, Гарпагон.

Клеант. Простите, батюшка, что я так погорячился.

Гарпагон. Ничего!

Клеант. Уверяю вас, что я глубоко раскаиваюсь.

Гарпагон. И я глубоко радуюсь твоему благоразумию.

Клеант. Как вы добры, что так скоро забыли мою вину!

Гарпагон. Когда дети становятся послушны, их вины легко забываются.

Клеант. У вас не осталось ни малейшей досады на мое сумасбродство?

Гарпагон. Ты меня обезоружил своей покорностью и почтительностью.

Клеант. Обещаю вам, батюшка, что до гроба не забуду вашей доброты.

Гарпагон. А я тебе обещаю, что от меня ни в чем тебе отказа не будет.

Клеант. Ах, батюшка, мне ничего больше от вас не надо; вы мне дали все, потому что дали Мариану.

Гарпагон. Что?

Клеант. Я говорю, батюшка, что я вполне удовлетворен: вы были так добры, что отдали мне Мариану, чего же мне еще?

Гарпагон. Кто сказал, что я отдал тебе Мариану?

Клеант. Вы, батюшка.

Гарпагон. Я?

Клеант. Ну да!

Гарпагон. Как? Да ведь ты же обещал от нее отступиться?

Клеант. Я? От нее отступиться?

Гарпагон. Конечно!

Клеант. Ни за что!

Гарпагон. Так ты не передумал?

Клеант. Напротив, я думаю о ней больше, чем когда-либо.

Гарпагон. Негодяй! Ты опять за свое?

Клеант. Я слова на ветер не бросаю.

Гарпагон. Пеняй же на себя, негодный мальчишка!

Клеант. Как вам будет угодно.

Гарпагон. Я запрещаю тебе показываться мне на глаза!

Клеант. Дело ваше.

Гарпагон. Я от тебя отрекаюсь.

Клеант. Отрекайтесь.
Гарпагон. Ты мне больше не сын!
Клеант. Пусть будет так.
Гарпагон. Я лишаю тебя наследства.
Клеант. Всего, чего хотите!
Гарпагон. И проклинаю тебя!
Клеант. Сколько милостей сразу!
Гарпагон уходит.

Явление шестое

Клеант, Лафлеш.

Лафлеш *(выходит из сада, держа шкатулку в руках).* Ах, сударь, как хорошо, что я вас встретил! Идите скорей за мной.

Клеант. Что такое?

Лафлеш. Идите за мной, говорят вам! Нам повезло.

Клеант. В чем повезло?

Лафлеш. Вот оно, наше счастье!

Клеант. Что это такое?

Лафлеш. То, к чему я давно подбирался.

Клеант. Да что же это?

Лафлеш. Казна вашего батюшки — я ее подтибрил.

Клеант. Как это ты сделал?

Лафлеш. Все узнаете. Бежать надо — он уж там кричит.

Клеант и Лафлеш убегают.

Явление седьмое

Гарпагон один.

Гарпагон *(кричит еще в саду, затем вбегает).* Воры! Воры! Разбойники! Убийцы! Смилуйтесь, силы Небесные! Я погиб, убит, зарезали меня, деньги мои украли! Кто бы это мог быть? Что с ним сталось? Где он? Куда спрятался? Как мне найти его? Куда бежать? Или не надо бежать? Не там ли он? Не здесь ли он? Кто это? Стой! Отдай мне деньги, мошенник!.. *(Сам себя ловит за руку.)* Ах, это я!.. Я потерял голову — не пойму, где я, кто я и что я делаю. Ох, бедные мои денежки, бедные мои денежки, друзья мои милые, отняли вас у меня! Отняли мою опору, мою утеху, мою радость! Все для меня кончено, нечего мне больше делать на этом свете! Не могу я без вас жить. В глазах потемнело, дух захватило, умираю, умер, похоронен. Кто воскресит меня? Кто отдаст мне мои милые денежки или скажет, кто их у меня взял? А? Что?.. Никого нет. Кто бы ни был этот вор, но ведь нужно же было ему выследить, выждать, и время-то как раз выбрал такое, когда я с мошенником сыном препирался… Пойду. Позову полицию — пусть весь дом допрашивают… слуг, служанок,

сына, дочь, меня самого. Что это? Сколько народу! И всех-то я подозреваю, в каждом вижу вора!.. А? О чем это они говорят? Не о том ли, кто меня ограбил?.. Что это за шум там, наверху? Не вор ли там?.. Сжальтесь надо мной: если знаете что о моем воре, не таите, скажите! Может, он среди вас прячется?.. Смотрят, смеются… Та-ак! Все они там были, все воровали! Скорее за комиссарами, за сержантами, за приставами, за судьями, пытать, вешать, колесовать! Всех до одного перевешаю, а не найду денег — сам повешусь.

Действие пятое

Явление первое

Гарпагон, комиссар, писарь.

Комиссар. Предоставьте действовать мне — я свое ремесло, благодарение Богу, разумею. Не с нынешнего дня открываю кражи. Хотел бы я иметь столько мешочков по тысяче франков, сколько я отправил народу на виселицу.

Гарпагон. Все власти должны вмешаться в это дело. Если я не отыщу моих денег, я пойду дальше.

Комиссар. Необходимо произвести самое тщательное дознание и расследование. Вы говорите, что в шкатулке было…

Гарпагон. Ровно десять тысяч.

Комиссар. Десять тысяч экю?

Гарпагон. Десять тысяч экю.

Комиссар. Кража значительная.

Гарпагон. Нет той казни, которая была бы достаточна за такое преступление, и, если оно останется безнаказанным, значит, нет у нас ничего священного.

Комиссар. В какой монете была эта сумма?

Гарпагон. В новеньких полновесных луидорах и пистолях.

Комиссар. Кого подозреваете в краже?

Гарпагон. Всех! Весь город и все предместья — под стражу, не иначе!

Комиссар. Поверьте мне: никого понапрасну тревожить не следует, нужно постараться исподтишка добыть улики и тогда со всей строгостью приступить к обнаружению похищенного.

Явление второе

Те же и Жак.

Жак *(обращаясь за сцену).* Я сейчас вернусь, а без меня его зарезать, опалить ножки, окунуть в кипяток и подвесить к потолку.

Гарпагон *(Жаку).* Кого? Моего вора?

Жак. Я говорю о поросенке, которого прислал мне ваш дворецкий: будет приготовлен по новому способу.

Гарпагон. Не об этом речь. Вот этому господину *(показывает на комиссара)* желательно знать кое-что другое.

Комиссар *(Жаку).* Не бойтесь: я вас не обижу, все обойдется тихо.

Жак. Вы гость, сударь?

Комиссар. Вы не должны, любезный друг, ничего скрывать от вашего господина.

Жак. Будьте спокойны, сударь, я все свое искусство покажу и так угощу вас, что останетесь довольны.

Гарпагон. Не в этом дело.

Жак. Если ужин выйдет не такой, как я хотел, так уж это вина вашего дворецкого, он меня своей бережливостью по рукам и ногам связал.

Гарпагон. Негодяй! Тут дело поважней твоего ужина. Ты мне говори про деньги, которые у меня украли.

Жак. У вас деньги украли?

Гарпагон. Да, разбойник! И тебя повесят, если ты их не отдашь.

Комиссар *(Гарпагону).* Послушайте: зачем вы так на него нападаете? Я по его лицу вижу, что он честный малый, его не надо сажать в тюрьму, он и так расскажет. *(Жаку.)* Да, мой друг, если вы сознаетесь, вам худа не сделают, а ваш господин щедро вознаградит вас. У него сегодня украли деньги. Не может быть, чтобы вы об этом не знали.

Жак (*про себя).* Вот когда я отплачу дворецкому! Стоило ему сюда поступить — он стал любимчиком, хозяин только с ним и советуется. Да и палку его я еще хорошо помню.

Гарпагон. О чем задумался?

Комиссар *(Гарпагону).* Не троньте его. Он собирается с духом и сейчас все расскажет. Повторяю: он честный малый.

Жак *(Гарпагону).* Коли хотите знать правду, сударь, так это ваш дворецкий.

Гарпагон. Валер?

Жак. Он самый.

Гарпагон. Валер, которому я так верил?

Жак. Он, он. По-моему, это он вас обокрал.

Гарпагон. Почему ты так думаешь?

Жак. Почему?

Гарпагон. Да, почему?

Жак. Потому что… Думаю — и все тут.

Комиссар. Нам нужны улики.

Гарпагон. Ты видел, как он бродил вокруг того места, где были спрятаны деньги?

Жак. Видел, как же. А где у вас деньги были?

Гарпагон. В саду.

Жак. Ну, так и есть! Я видел, как он по саду кружил. А в чем были деньги?

Гарпагон. В шкатулке.

Жак. Вот-вот! Я у него и шкатулку видел.

Гарпагон. Какая же она? Я сейчас узнаю, моя ли.

Жак. Какая?

Гарпагон. Да.

Жак. Такая… Вроде шкатулки.

Комиссар. Само собой разумеется, но вы опишите нам ее.

Жак. Большая шкатулка.

Гарпагон. А моя небольшая.

Жак. Правда, сама по себе она небольшая. Я сказал — большая, потому что в ней денег много.

Комиссар. А какого она цвета?

Жак. Какого цвета?

Комиссар. Да.

Жак. Цвета она… этого, знаете ли… Ну вот, вертится на языке…

Гарпагон. Ну?

Жак. Не красного ли?

Гарпагон. Нет, серого.

Жак. Да-да, красновато-серого. Я это и хотел сказать.

Гарпагон. Нет никакого сомнения: это она. Запишите, сударь, запишите его показания! Господи! На кого теперь положиться можно! После этого я ни за кого не поручусь — не поручусь даже, что я сам себя не обворую.

Жак *(Гарпагону).* Вот он идет, сударь. Только вы не говорите ему, что это я его выдал.

Явление третье

Те же и Валер.

Гарпагон. Поди-ка сюда! Признавайся в самом грязном поступке, в самом ужасном злодеянии, какого еще не видывал свет!

Валер. Что вам угодно, сударь?

Гарпагон. Как, мерзавец! И ты не краснеешь, совершив такое преступление?

Валер. О каком преступлении вы говорите?

Гарпагон. О каком преступлении я говорю? Бесстыжий! Как будто не знает, о чем речь! Напрасно будешь отпираться: дело раскрыто, мне известно все. Отплатил ты за мою доброту, нечего сказать! Нарочно втерся ко мне, чтобы сыграть со мной такую штуку!

Валер. Раз уж вам все известно, сударь, я ни увертываться, ни отпираться не буду!

Жак *(про себя).* Ого! Стало быть, нечаянно угадал!

Валер. Я и без того намерен был сознаться вам, ждал только удобного случая. Но уж если вы сами узнали, так прошу вас не сердиться и выслушать мои оправдания.

Гарпагон. Какие еще там оправдания, гнусный

воришка?

Валер. Нет, сударь, я не заслужил такого названия. Я, конечно, провинился перед вами, но мою вину, воля ваша, можно простить.

Гарпагон. То есть как — простить? Такое-то злодейство, такое-то смертоубийство простить?

Валер. Ради Бога, успокойтесь! Когда вы меня выслушаете, вы увидите, что зло не так велико, как вам кажется.

Гарпагон. Зло не так велико, как мне кажется! Кровь моя, нутро мое — вот ведь это что, висельник!

Валер. Ваша кровь, сударь, нисколько здесь не пострадала, да и не могла пострадать. Дело легко поправить.

Гарпагон. Я этого и добиваюсь. Отдай то, что украл.

Валер. Ваша честь, сударь, получит полное удовлетворение.

Гарпагон. Не о чести речь. Ты мне лучше скажи, кто тебя подтолкнул на это?

Валер. Ах, сударь, и вы еще спрашиваете?

Гарпагон. Да-да, спрашиваю!

Валер. Меня подтолкнуло то чувство, которое все оправдывает: любовь.

Гарпагон. Любовь?

Валер. Да, любовь.

Гарпагон. Нечего сказать, хороша любовь, хороша любовь! Любовь к моим луидорам.

Валер. Нет, сударь, не богатство ваше привлекло меня, и не оно меня обольстило: я заранее отказываюсь от ваших денег, оставьте мне только то, что уже есть у меня.

Гарпагон. Черта с два! Так я тебе и оставил, дожидайся! Оставь ему то, что он у меня украл, — наглость-то какая!

Валер. Вы называете это кражей?

Гарпагон. Еще бы не кража! Этакое-то сокровище!

Валер. Да, правда, сокровище, и притом самое драгоценное из ваших сокровищ, но отдать его мне — еще не значит потерять. На коленях умоляю вас: не отымайте у меня это прелестное сокровище! Отдайте его мне, сделайте доброе дело!

Гарпагон. Да ты что? Ошалел?

Валер. Мы дали друг другу слово, поклялись никогда не расставаться.

Гарпагон. Хорошо слово, хороша клятва!

Валер. Да, мы связаны навеки.

Гарпагон. Я сумею вас развязать, не беспокойтесь!

Валер. Одна только смерть может разлучить нас.

Гарпагон. Околдовали его мои денежки!

Валер. Я уже сказал вам, сударь, что поступил так не по расчету. У меня и в мыслях не было того, что вы подозреваете: я действовал по благородному побуждению.

Гарпагон. Слышите? Он еще скажет, что норовит завладеть моим добром из христианского милосердия. Но знай, висельник, знай, разбойник: я приму меры, закон не пропустит несправедливости.

Валер. Вы властны поступать, как вам угодно, я все готов снести, но прошу вас верить одному: если тут и есть чья-нибудь вина, то разве только моя, дочь же ваша ни в чем не виновата.

Гарпагон. Я думаю! Странно было бы, если бы она тебе пособляла! Но к делу, однако, признавайся, куда ты ее спрятал?

Валер. Никуда я ее не прятал, она у вас в доме.

Гарпагон *(про себя).* Милая моя шкатулочка! *(Громко.)* Так она дома?

Валер. Да, сударь.

Гарпагон. А скажи, ты ее не тронул?

Валер. Я? Тронул? Вы нас обоих обижаете. Я пылал к ней чистой, почтительной любовью.

Гарпагон *(про себя).* Пылал к моей шкатулке!

Валер. Я предпочел бы умереть, чем оскорбить ее даже намеком, она для этого слишком благоразумна и добродетельна!

Гарпагон *(про себя).* Моя шкатулка слишком добродетельна!

Валер. Единственное наслаждение, которое я себе позволял, — это любоваться ею. Ни одна преступная мысль не осквернила той любви, какую мне внушили ее прекрасные глаза.

Гарпагон *(про себя).* Прекрасные глаза моей шкатулки! Он говорит о ней, как о возлюбленной.

Валер. Клод знает всю правду, сударь, она может вам засвидетельствовать...

Гарпагон. Как! И моя служанка тут замешана?

Валер. Да, сударь, она была свидетельницей нашей клятвы, и только после того, как ей стало ясно, что у меня честные намерения, — только после этого она согласилась убедить вашу дочь дать мне слово.

Гарпагон. А? *(Про себя.)* От страха он, кажется, заговариваться начал. *(Валеру.)* С чего ты мою дочь сюда приплетаешь?

Валер. Я говорю, что мне стоило огромных усилий победить ее стыдливость силой моей любви.

Гарпагон. Чью стыдливость?

Валер. Вашей дочери. Только вчера решилась она подписать брачное обязательство.

Гарпагон. Моя дочь подписала брачное обязательство?

Валер. Да, и я тоже.

Гарпагон. Господи! Новая напасть!

Жак *(комиссару).* Пишите, сударь, пишите!

Гарпагон. Мало мне горя! Этого еще недоставало! *(Комиссару.)* Исполните ваш долг, сударь, передайте его дело в суд — он вор и соблазнитель.

Валер. Я ни то, ни другое. Когда вы узнаете, кто я...

Явление четвертое

Те же, Элиза, Мариана и Фрозина.

Гарпагон. А, мерзкая девчонка, недостойная дочь! Нечего сказать, впрок пошли тебе мои наставления! Ты позволяешь себя увлечь проходимцу, вору, ты даешь ему слово без моего согласия! Но вы оба промахнулись! *(Элизе.)* Будешь сидеть в четырех стенах. *(Валеру.)* А по тебе за твою наглость виселица плачет.

Валер. Ваша запальчивость — плохой судья, и судить меня не вам, а кто будет судить, те прежде выслушают.

Гарпагон. Я оговорился: тебя не повесят, нет, тебя колесовать будут живого.

Элиза *(на коленях).* Батюшка, не будьте так суровы, умоляю вас! Не злоупотребляйте родительской властью! Не поддавайтесь первому порыву гнева — сначала обдумайте все хладнокровно! Постарайтесь поближе узнать человека, которого вы осыпаете оскорблениями. Он совсем не тот, за кого вы его принимаете. Вы станете ко мне снисходительнее, когда узнаете, что без него меня давно бы уж не было на свете. Да, батюшка, это он спас меня, когда я тонула, ему вы обязаны

тем, что не потеряли дочь — ту самую дочь…

Гарпагон. Все это меня не касается. Лучше бы он тебя тогда не спас, нежели учинить такое злодеяние.

Элиза. Батюшка! Заклинаю вас родительской любовью…

Гарпагон. Нет-нет, и слышать ничего не хочу. Да совершится правосудие!

Жак *(про себя).* Это тебе за побои!

Фрозина *(про себя).* Все перепуталось!

Явление пятое

Те же и Ансельм.

Ансельм. Что это, господин Гарпагон? Вы так взволнованы…

Гарпагон. Ах, господин Ансельм, перед вами несчастнейший человек в мире! Как раз, когда нужно подписывать с вами контракт, у меня столько неприятностей, столько тревог! Меня всего обворовали — отняли имущество, отняли честь. Вот этот злодей, этот изверг посягнул на священнейшие права, прокрался ко мне под видом слуги, стащил у меня деньги и соблазнил мою дочь.

Валер. Да никто о ваших деньгах и не помышляет! Перестаньте вы чушь городить.

Гарпагон. Да, они обручились. Это уж прямо вас касается, господин Ансельм; ваша святая обязанность — подать на него в суд, преследовать его судебным порядком и выместить на нем всю нанесенную вам обиду.

Ансельм. Насильно я ни за что не женюсь. Сердце, отданного другому, мне не надо, но из участия к вам я готов взяться за ваше дело, как за свое собственное.

Гарпагон. Вот комиссар, он — честный комиссар, он ничего не упустит, все исполнит, что по долгу службы следует. *(Комиссару, указывая на Валера.)* Сударь! Прошу составить обвинительный акт таким образом, чтобы все его злодеяния были выставлены в самом черном свете.

Валер. Какое преступление в том, что я полюбил вашу дочь? Почему я должен нести кару за то, что мы обручились? Когда вы узнаете, кто я такой…

Гарпагон. Слыхал я эти сказки. Много развелось теперь воров благородного звания и всяких обманщиков, что в мутной воде рыбу ловят и прикрываются первым попавшимся именем, лишь бы оно было известно.

Валер. Смею вас уверить, я слишком честен для того, чтобы присваивать себе чужие имена. Весь Неаполь может засвидетельствовать мое происхождение.

Ансельм. Осторожнее! Сначала подумайте, а потом уже говорите. Вы можете попасть впросак: перед вами человек, которому знаком весь Неаполь. Я вас выведу на чистую воду.

Валер *(с гордым видом надевая шляпу).* Я ничего не боюсь. Если вам знаком Неаполь, то должен быть знаком и дон Томазо д'Альбурчи.

Ансельм. Конечно, знаком. Мне ли его не знать?

Гарпагон. Дон Томазо, дон Мартино — мне-то какое до них дело? (*Увидав, что горят две свечи, одну из них задувает.)*

Ансельм. Пожалуйста, не перебивайте. Послушаем, что он скажет.

Валер. Я хочу сказать, что он — мой отец.

Ансельм. Дон Томазо?

Валер. Да.

Ансельм. Полноте! Придумайте что-нибудь поудачнее, а этим нас не обманете и себя не спасете.

Валер. Прошу вас быть осторожнее в выражениях. Я вас не обманываю и могу это доказать.

Ансельм. Как! Вы осмеливаетесь утверждать, что вы — сын дона Томазо д'Альбурчи?

Валер. Да, осмеливаюсь — и готов подтвердить это где угодно.

Ансельм. Неслыханная дерзость! Так знайте же — и да будет вам стыдно, — что шестнадцать лет назад, если не больше, этот человек погиб в море с женой и детьми, когда бежал из Неаполя

от беспорядков[15] и преследований вместе с другими благородными семействами.

Валер. Да. Но знайте же и вы — и да будет вам стыдно, — что его семилетнего сына и одного из слуг подобрал испанский корабль, и этот спасенный сын — я! Капитан корабля пожалел меня, приютил и воспитал как родного сына. Потом я вступил в военную службу. Вскоре я узнал, что мой отец, которого я считал умершим, жив. Я отправился на поиски, и здесь небо уготовило мне встречу с прелестной Элизой. Ее красота пленила меня. Моя страстная любовь, а также суровость ее отца вынудила меня проникнуть под чужим именем в этот дом, а на поиски родителей я отправил другого человека.

Ансельм. Но чем вы докажете, что это не сказка, а быль?

Валер. Доказательства и свидетели налицо: капитан корабля, рубиновая печать моего отца, агатовый браслет, который мать надела мне на руку, и старик Пьетро — тот самый слуга, который спасся вместе со мной во время кораблекрушения.

---

[15] Примечания: 15

...бежал из Неаполя от беспорядков... — Можно предположить, что речь идет о неаполитанском восстании 1647–1648 гг., руководимом Мазациелло.

Мариана. Ах, теперь и я могу подтвердить, что вы не обманщик! Из ваших слов явствует, что вы — мой брат.

Валер. Я — ваш брат?

Мариана. Да. Сердце мое забилось при первых же твоих словах. А как матушка-то будет рада! Она часто рассказывала мне о наших злоключениях. Бог не попустил и нашей гибели при кораблекрушении, но мы променяли смерть на неволю: нас спасли корсары. Через десять лет, и то случайно, мы вырвались на свободу и вернулись в Неаполь. Оказалось, что все наше имущество продано, а об отце ни слуху ни духу. Тогда мы перебрались в Геную — там матушке удалось собрать жалкие крохи, оставшиеся от расхищенного наследства, но ее родня дурно обошлась с нею; она приехала сюда и здесь еле-еле сводит концы с концами.

Ансельм. О Небо! Нет предела твоему могуществу. Обнимите меня, дети, и порадуйтесь вместе с вашим отцом.

Валер. Так вы — наш отец?

Мариана. А матушка вас оплакивала!

Ансельм. Да, дочь моя, да, сын мой, я дон Томазо д'Альбурчи. Небо спасло меня от гибели в морской пучине и от разорения: все деньги были при мне. Шестнадцать с лишком лет считал я

вас всех погибшими и наконец, после долгих скитаний, вздумал искать счастья в новом браке, в новой семье, вздумал жениться на кроткой и благородной девушке. Возвращаться в Неаполь я не рискнул и решил покинуть его навсегда. Мне удалось заглазно продать имущество, и я поселился здесь под именем Ансельма, чтобы прежнее мое имя не напоминало мне о былых невзгодах.

Гарпагон. Так это ваш сын?

Ансельм. Да.

Гарпагон. В таком случае потрудитесь уплатить мне десять тысяч экю, которые он у меня украл.

Ансельм. Он? У вас украл?

Гарпагон. Да, он.

Валер. Кто это вам сказал?

Гарпагон. Жак.

Валер *(Жаку).* Ты это говорил?

Жак. Вы же видите, что я молчу.

Гарпагон. Комиссар записал его показания.

Валер. И вы думаете, что я способен на такую подлость?

Гарпагон. Там уж способен ли, нет ли, а денежки мои подай!

Явление шестое

Те же, Клеант и Лафлеш.

Клеант. Успокойтесь, батюшка, и никого не обвиняйте. Я кое-что узнал о вашей пропаже и пришел вам сказать, что если вы позволите мне жениться на Мариане, то деньги будут вам возвращены.

Гарпагон. Где они?

Клеант. Не тревожьтесь: они в надежном месте, я за них отвечаю, и вообще все зависит от меня. Я только жду вашего решения. Предоставляю вам на выбор — или отдать мне Мариану или проститься со шкатулкой.

Гарпагон. Ты ничего из нее не вынул?

Клеант. Ничего. Матушка Марианы уже объявила, что ей все равно, вы или я, — как сама Мариана хочет. Итак, дело за вами.

Мариана *(Клеанту).* Вы еще не знаете, что теперь этого согласия уже недостаточно: небо возвратило мне не только брата (указывая на Валера), но и отца. (Указывает на Ансельма.) Что-то он скажет?

Ансельм. Неужто я вернулся к вам, дети мои, для того, чтобы противиться вашим желаниям?

Сознайтесь, господин Гарпагон, что для молодой девушки сын всегда будет больше по сердцу, чем отец. Не заставляйте же меня тратить лишние слова, возьмите пример с меня и соглашайтесь на обе свадьбы.

Гарпагон. Пока я не увижу моей шкатулки, я ничего не скажу.

Клеант. Она цела и невредима.

Гарпагон. На приданое денег у меня нет.

Ансельм. У меня найдутся. Об этом не беспокойтесь.

Гарпагон. Вы принимаете на себя все расходы по обеим свадьбам?

Ансельм. Да, принимаю. Вы удовлетворены?

Гарпагон. Да, но вы должны сшить мне к этим свадьбам новое платье.

Ансельм. Идет. А теперь можно и повеселиться.

Комиссар. Стойте, господа, стойте, не торопитесь. А кто мне заплатит за составление акта?

Гарпагон. На что нам ваш акт?

Комиссар. Выходит, я даром трудился?

Гарпагон *(указывая на Жака).* Вот вам вместо платы: можете его повесить.

Жак. Как же после этого жить на свете? Скажешь правду — бьют палкой, солжешь — хотят

повесить.

Ансельм. Уж вы его простите, господин Гарпагон!

Гарпагон. А комиссару заплатите?

Ансельм. Так и быть. Ну, детки, поспешим обрадовать вашу матушку.

Гарпагон. А я поспешу к моей милой шкатулочке!